

Рина Лесникова

Волшебные кисти
Делгара

Рина Лесникова
Волшебные кисти Делгара

«Автор»

2026

Лесникова Р.

Волшебные кисти Делгара / Р. Лесникова — «Автор», 2026

Много ли нужно человеку, чтобы быть счастливым? Много, всего и не перечислить. Да и не осуществить. Особенно если жить в приёмной семье, где тебя не очень-то и любят. Спросите, где уж тут быть счастьем? А если не ждать от жизни много? У Найтири есть страсть к рисованию и есть талант. Когда есть сразу и то, и другое, это ли не счастье. Её пейзажи просто великолепны. Лишь один раз нарисовала живое существо. Жёлтого кота с чёрными глазами. Так, ради баловства. А кот возьми и оживи. Разве может такой кот оказаться простым? Тут любой поймёт, что это – только начало целой вереницы странных происшествий. Картины-порталы и новые миры. Опасные враги, которые уничтожают таких, как Найтири, и целеустремлённые защитники, которым нужен её талант. Найдётся ли тот, кому нужна она сама? Сразу двое? Ой-ой-ой, ведь обещала себе совсем недавно, что ей никто не нужен. Много ли нужно человеку, чтобы быть счастливым? Холст и кисти. И котик. И Всё-всё-всё, не буду дальше перечислять! Скоро узнаете сами.

© Лесникова Р., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	21
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	38
Глава 9	44
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рина Лесникова

Волшебные кисти Делгара

Вошебные кисти Делгара для Литрес
Волшебные кисти Делгара

Всё в этом мире циклично. Вот и наша история уже когда-то была. Или не совсем наша? Или не в этом мире? Но что-то подобное уже точно было. Иначе откуда бы взяться волшебной кисти и картинам, ею нарисованным? Мир так стар. Да, всё в нём уже было. Просто люди забыли об этом.

С чего всё началось? Кто-то скажет: «С сотворения мира». И будет прав. Но если мы начнём с самого сотворения, то наша история затянется надолго. Начать с того, что мир не один, а их множество? Так это все, кому нужно, знают. С того, что в мирах есть те, кто может открывать проходы между ними? Тс-сс, это лучше не знать никому.

А может, начать с того, как по дороге брела одинокая маленькая девочка? Ну нашли, ну приютили, ну росла. А вот что было, когда она выросла? И при чём здесь милый жёлтый котик с чёрными глазами? Интересно? Давайте же узнаем, что случилось с той девочкой и её необычным котиком.

Глава 1

- Ох, дорогая лемора Эланести, вы просто ангел милосердия. Как только справляетесь с такой ношей. Девочка очень сложная! Ещё и эти жуткие глаза, – лемора Мюррей даже не пыталась приглушить голос, когда обращалась к хозяйке дома. – Они же полностью чёрные!

И как им не надоело судачить об одном и том же. И ничего они не чёрные. Глаза у Найтири, если хорошо присмотреться, тёмно-тёмно-карие. Только эти клуши ведь не будут присматриваться. Им нужно языки почесать. Сейчас мачеха начнёт свою партию.

- И не говорите, лемора Мюррей. И как её замуж выдавать? Высокая, едва ли не выше нашего Фенгара, опять же ни лицом, ни фигурой не вышла, так ещё и бесприданница, - а сколько заботы в голосе! Как будто и правда переживает.

Это они всё о Найтири, приёмной дочери семейства Эланести, которую те в своё время переименовали в Дороти. Знает старая мегера, как это имя не нравится самой Найтири. А вообще бедная сиротка, позже – неблагодарная девчонка – одна из любимых тем в этой гостиной. Про сложности воспитания приёмного ребёнка вспомнили, глаза упомянули, фигуру и лицо – тоже, про отсутствие приданого сказали. Когда уж про главное заговорят?

- Наверное, по дому помогает? У любой девушки, если постараться, можно отыскать хоть одно достоинство, – лемора Мюррей со всем доступным ей изяществом отставила в сторону полупустую чайную чашечку, и собрала губы в куриную гузку, видимо таким образом обозначила интерес и внимание. Ещё бы не интересоваться, наверняка у старой клуши есть на примете какой-нибудь никуда не годный родственник на выданье, вот и интересуется.

О, вот и началось!

- Ох, - здесь по сценарию последовал полный трагизма вздох, к абсолютно сухим глазам леморы Эланести метнулся батистовый платочек, - всё на мне. Дом, прислуга, закупки. Всё на мне! Дороти у нас, видите ли, рисует! Рисует и рисует! Рисует и рисует! – и так это было сказано, как будто приёмная дочь не рисует, а королевскую власть почём зря поносит или напропалую занимается свальным грехом, как младший отпрыск достойной четы Эланести Фенгар. Уж Найтири про него, да и от него самого всякого наслышалась. – Ещё и характерец у нашей Дороти ещё тот, - вздох, последовавший за этим утверждением, мог бы посоперничать с шумом от кузнечных мехов.

- Трудно, ох и трудно будет вам подыскать ей мужа, - ага, ещё одна мегера отказалась от матримониальных планов. Хорошо.

- И не говорите, лемора Мюррей, и не говорите, - Двойра Эланести вяло махнула платочком. – Уж и не надеемся, что найдётся в Терингоре мужчина, который сможет смирить её норы. Но коли уж мы взялись заботиться о бедняжке, будем нести это бремя.

Ну надо же! Бремя они несут. Ещё бы сказала, что от себя последний кусок отрывают. Как будто не выделяет королевский опекунский совет кругленькую сумму на содержание таких вот приёмных. Но кому это говорить? Найтири лишь крепче сжала зубы и в очередной раз промолчала. Начнёшь так возражать и будешь не меньше получаса, а то и целый час слушать поучения возмущённых до глубины души дамочек. Ну уж нет, лучше потерпеть. Сейчас ещё немного помусолят эту тему и отправят Найтири прочь из гостиной. Начнут обсуждать что-то другое, вон у гостыи как глаза горят, определённо, помимо основной цели – посмотреть девку на выданье, принесла и новый ворох сплетен.

- Ваше смирение вам зачтётся, - ожила куриная гузка, чтобы выдать очередную банальность.

Лемора Эланести с достоинством кивнула, соглашаясь. Ещё бы, именно ради этого зачета и приняли у себя потерявшуюся сироту, а вовсе не ради опекунских денег. Спектакль подходит к концу, пришла пора показать свою бесконечную доброту по отношению к приёмной.

- Дороти, милая, что ты ёрзаешь? – участливо обратилась мачеха к девушке.

И то правда, чего ёрзать-то, это ведь не её тут с такой непосредственностью обсуждали и перемешивали с грязью. Впрочем, Найтири к этому привыкла. Беспокоило её другое. Через полчаса начинался урок у лемориты Элины, художницы, подрабатывающей уроками рисования.

По утверждению самой лемориты талантливая ученица давно превзошла её в своём творчестве, но посещения добросердечной женщины, одной из немногих, кто по-хорошему отнёсся к сироте, были единственной отдушиной в жизни Найтири. К тому же – но это большой секрет! – леморита Элина помогала реализовывать написанные картины. Часть вырученных денег, о которых не были осведомлены опекуны, шла на холсты и краски. А ещё Найтири мечтала, как, достигнув двадцати одного года и отвязавшись от докучливой опеки, она сможет снять домик с большой светлой студией и без остатка отдаться любимому занятию. Разве она много хотела? Немного. Но иногда так завидовала беспризорникам, жизнью которых её частенько пугали, и которые были предоставлены сами себе и могли делать, что хотели.

Ну вот, опять не сдержала характер и глянула на лемору Эланести так, что та многозначительно переглянулась со своей гостьей. Мол, видите, с кем дело иметь приходится. Одним словом – дикарка.

Можно ли называть человека дикарём, основываясь только на его внешних данных? Да, не красавица. Да, выше многих женщин. Да, глаза почти чёрные, да, волосы тёмные и густые. Кожа непозволительно бронзовая, как у крестьянки. Фигура крепкая, основательная, не как у этих бледных воздушных барышень, которых ветром шатает. Что за мода такая вредительская, когда, чтобы выглядеть согласно её канонам, нужно отказываться от еды и утягивать всё, что только утягивается. Талию, грудь. Даже обувь, и та должна быть тесной, ибо негоже благородным леморитам иметь большую ногу. Мачеха втайне считает, что делает приёмной дочери очередную пакость, когда не позволяет той носить совершенно жуткие корсеты и обувь. Как же, наша Дороти такая страшенькая, что уже ничем не исправишь. Да спасибо сто раз, что не применяете хотя бы эти пытки! За женихами Найтири не гонится. Хорошо хоть матримониальными планами в отношении её семейство Эланести не озабочено, иначе зачем бы так старательно всех убеждали, что она совсем неподходящая невеста.

Впрочем, эти мысли самой Найтири никому здесь неинтересны, а потому стоит смиренно потупить глаза и тихо, как и положено благовоспитанной леморите, прошептать:

- Мне пора на урок, матушка.

И опять эти мученически воздетые к потолку глаза. Ну да ладно, пусть себе закатывает, может, когда-нибудь их так и сведёт, но этого пожелания Найтири вслух точно высказывать не будет.

- Ох, вьёшь ты из матери верёвки. Иди уж! – наконец-то последовали долгожданные слова.

Спешно попрощавшись, почти бегом покинула пропахшую удушливым ароматным дымом гостиную. Ещё одно модное веяние. А потом мачеха жалуется, что голова болит. Но отказаться от того, что должно присутствовать в любой мало-мальски приличной гостиной? Да ни за что! Головная боль пройдёт, она ничто, а имидж – всё!

Приёмный отец Найтири – не очень удачливый торговец средней руки, который, как частенько казалось воспитаннице, в свою небольшую захудалую контору ходил не столько поработать, сколько отдохнуть там от въедливой и нудной жены. Как Найтири его понимала! Вот и сама всегда с радостью сбегала на уроки рисования, единственное место, куда ей было дозволено ходить без сопровождения.

Найтири вышла на крыльцо городского дома Эланести, подвязала ленты широкополой шляпки, долженствующей защищать кожу от солнца, улыбнулась своим мыслям и этому

самому солнцу и вприпрыжку спустилась вниз. Да, неподобающе, но попробуй сдержи порыв, когда душа так и поёт. Словно птичка, наконец-то вырвавшаяся из клетки на свободу.

Сегодня она закончит ещё один пейзаж. Леморита Элина давно перестала удивляться, откуда её ученице приходят в голову сюжеты. Именитые и не очень художники ездят в далёкие и не очень дали, чтобы набраться впечатлений и запастись набросками, а то и законченными картинами. Найтири же, не имея возможности выбираться на пленэр, писала по наитию. Иногда это был дремучий лес, иногда горы. Река и водопад. Спрятанное в зарослях ивняка крошечное озерцо. Изредка на картинах присутствовали живые существа. Правда, чаще всего автор их безжалостно изгоняла со своих полотен. Почему? В этом она не признавалась даже учительнице и старалась затереть их до того, как кто-либо увидел. Очень уж странные иногда были эти существа.

- Дори, ты пришла, - леморита Элина приветливо улыбнулась. – А у меня для тебя хорошая новость. Нашёлся покупатель на твой Грот.

Преподавательница рисования была одной из немногих, кто относился к девушке по-доброму. Впрочем, приятельские отношения не мешали той брать свой процент с продажи картин ученицы. Так оно и дружба крепче будет, когда непогашенных обязательств друг перед другом нет.

- Но Грот ещё не закончен, - попыталась возразить Найтири.

- Это видишь только ты. Как по мне, так он идеален. Что в нём может не хватать?

И как объяснить, что в картине, которая живёт в голове самой Найтири, на мокром камне перед таинственным гротом лежит непонятный клубок щупалец и многоглазых голов. Такого в природе не может быть. Только в больном воображении. Вот признания, что у неё воображение большое, только и не хватает до полного краха. Тогда опеку могут продлить надолго, если не навсегда. Ко всем прочим причитаниям леморы Эланести добавится ещё и то, что их приёмная дочь глубоко не в себе. Если не знать, что жизнь под опекой когда-нибудь закончится, точно можно сойти с ума.

Ну всё, всё, пусть лемора Эланести останется где-то там, в своей удушливой гостиной, Найтири пора окунуться в свой мир.

Картина Грот получилась мрачноватой. Именно мрачноватой, а не откровенно мрачной. А если дописать то жуткое сплетение щупалец, которое настоятельно рекомендовало внести воображение, тогда у зрителя гарантированно волосы на загривке оживут. Нужно ли это самой Найтири? То-то и оно. Хотя, если что-то должно быть на картине истинного художника, оно там будет. И кисть вновь забегала по холсту.

- Да, леморита Элина, пожалуй, вы правы. Картину можно считать законченной.

Преподавательница ещё раз внимательно осмотрела произведение. Ничего не сказала. Да и что тут говорить, обе прекрасно знали, что ученица давно превзошла учительницу. Странноватый сюжет? И что? Вон как быстро нашёл своего покупателя. Сказать, что картина хороша? И это тоже они знали.

- Эх, Дори, Дори, - леморита Элина похлопала Найтири по предплечью.

И опять всё стало понятно без слов. Лучше всего получаются те картины, которые пишутся от души. Значит, что-то подобное сейчас и творится в душе одинокой девчонки. Серое в мелких барашках море, сливающееся на горизонте с такими же серыми тучами, голые камни. И тёмный зев грота. Именно в таких прячутся жуткие чудовища. То, что чудовища не видно, только нагнетало напряжение. Хотя о том, что оно там точно есть, знала только сама художница.

- У тебя ещё есть немного времени до возвращения домой, отметить бы завершение работы в кафешке, но мне пора бежать, - с сожалением призналась леморита Элина.

- Ничего, отметим как-нибудь позже, а сегодня мне нужно зайти в лавку и купить новые кисти.

- Вот и славно, - учительница с нескрываемым облегчением проводила ученицу за дверь.

Кажется, у лемориты Элины кто-то появился. Что ж, Найтири за неё рада, всё же та уже перешагнула свой тридцатилетний рубеж и, хоть и уверяла, что довольна своей жизнью, но какая женщина не мечтает о личном женском счастье. Чтобы и муж, и детишки, как у всех. Если только сама Найтири. Не стоит страшенькой бесприданнице мечтать о несбыточном. Её мечта – самостоятельная жизнь и собственная художественная студия. Не так уж и много. Нужно всего лишь подождать, когда исполнится двадцать один год, тогда государственные выплаты прекратятся. Двойра Эланести не единожды намекала, что после двадцати одного воспитанница вольна отправляться в свободное плавание. Лишний рот им не нужен, самим бы свести концы с концами. Пока же, пока на счёт поступают ежемесячное пособие на содержание девушки, опекуны «несут над ней ответственность». Был ещё один способ избавиться от ненавистной опеки – выйти замуж. Ха и ещё раз ха. Тут мнения леморы Эланести и самой Найтири совпадали. Правда, по разным причинам. Одна не хотела терять дармовой доход, другая – менять одну клетку на другую, выбраться из которой будет почти невозможно.

Глава 2

Если бы Найтири не была одержима рисованием и свою будущую жизнь не видела только в нём, то она бы мечтала работать в такой вот небольшой лавочке, торгующей понемногу всем. Новые и старые книги и журналы, пара выцветших от солнца и времени пипидастров, бронзовые светильники, загадочные амулеты и много других странных вещей, на которые находились свои покупатели.

Саму же Найтири интересовал уголок с мольбертами и разнообразными палитрами, холстами и альбомами, красками и угольными карандашами, мелками и кистями для рисования. Рай для художника. Было бы где хранить, скупила бы всё! Когда-нибудь так и сделает, ведь должна же быть реализована детская мечта, пусть непрактичная и частично безумная.

Как всегда, глубоко вздохнула. Когда-нибудь обязательно купит многое, сейчас же нужны новые кисти. Только кисти! И новый альбом для набросков. Ну ладно, ещё этот замечательный набор красок. Совсем небольшой, лемора Эланести его и не заметит, а послезавтра Найтири всё перетащит к леморите Элине.

- Найтири! – так её называл только лемор Глек, старенький хозяин лавочки. – Ты сегодня не много взяла.

- Мне нужны только кисти, - словно извиняясь, призналась она и выложила на прилавок выбранный товар.

- И эту тоже берёшь?

Откуда среди новеньких стандартных кистей появилась ещё одна? Даже и не новая. Дерево ручки потемнело от времени. мех? мех был странный, слегка голубоватый, вот так навскидку и не определить, какому животному он принадлежал. Точно не белка и не колонок. И уж тем более не кабанья или другая щетина. Так ли уж важно. Хотела уже отодвинуть в сторону и сказать, что эту кисть не выбирала. Дотронулась пальцами. И поняла, что не сможет от неё отказаться. Да старенькая. Но ведь неисписанная! И вообще, можно себе позволить странную покупку? Вон гости леморы Эланести частенько с показной небрежностью жалуются, что опять зачем-то купили лишнюю шляпку, шарфик или пару туфелек.

- Посчитайте и эту!

Домой бежала радостная и воодушевлённая. Ещё бы, удачно продана ещё одна картина. Ещё на один шаг Найтири стала ближе к своей мечте. Финансово она уже сможет снять небольшой домик со студией, даже присмотрела один, пусть и понимала, что рано. Осталось дожидаться совершеннолетия. И прощайте, ненавистные опекуны. Здравствуй, свобода!

Кажется, лимит неприятностей, которые были отмеряны на сегодняшний день, был исчерпан до обеда. Как иначе расценивать то, что до своей комнаты добралась, не встретив никого из противных Эланести. Отбыли куда-то с визитом, а ей велено ужинать на кухне? Боги, Найтири начинает верить, что вы есть.

Быстро расправившись с нехитрым ужином, состоящим из овощного рагу и пирога с ягодами, поблагодарила кухарку и ушла к себе. В доме тихо и спокойно. Хорошо-то как. Никто неожиданно не ворвётся и не станет что-то требовать или учить жизни. Если чрезмерно не завышать планку желаний, счастье есть. Хотя бы в небольших количествах.

А если есть хотя бы немного чего-то, значит, его можно увеличить. Решено, будем увеличивать своё персональное счастье.

Из-под матраса был извлечён старенький альбом, и Найтири распаковала покупки. Дома рисовать запрещали. Видите ли, краски всё пачкают, а ещё гадко пахнут, и именно от этого запаха болит голова у леморы Эланести. Но ведь сейчас дома никого нет, и не увидит никто! Рисовать хотелось до зуда в пальцах. Ну хоть немного опробовать новые кисти и краски!

Альбом раскрыт, и конечно же, совершенно случайно рука выбрала ту самую новую старую кисточку. Ну ладно, пусть не случайно, просто захотелось проверить, как будет рисоваться этим незнакомым мехом.

Как немного иногда нужно, чтобы настроение взлетело до небес. Захотелось пошалить. Найтири закрыла глаза и наугад смешала краски. Скептически посмотрела, что из этого получилось. Хм, цвет, мягко сказать странный. Обычно она смотрела на краску и знала, что ею будет рисовать. Это же... то ли жёлтое, то ли больше горчичное так сразу и не поймёшь, как использовать. Что ж, госпожа случайность, ваш выход! И опять веки опустились. Мазок, другой, ещё один. И вот так. Что тут у нас получилось?

Ну что может получиться, если рисуешь с закрытыми глазами, да ещё такой странной краской? Хотя... Добавим чуть-чуть здесь, здесь поправим. И, последний штрих. Нет, той же краской не получится. Вот если бы наоборот, получился бы миленький достаточно пушистый и упитанный чёрный кот с обычными для котов жёлтыми глазами. Но наш кот получился жёлтым, придётся наделять его чёрными глазами. Художники иногда позволяют себе подобное озорство.

- Хм, жёлтый кот с чёрными глазами. Необычно. Надеюсь, ты на меня не в обиде? – поинтересовалась Найтири у своего создания. – Ой-ой-ой, какие мы обидчивые! Ладно, чтобы загладить вину, дам тебе имя. Теодор! Ты будешь Теодор. Это, лемор Теодор, большая честь. Вы – первый из нарисованных мною персонажей, который удостоивается собственного имени, - серьёзно сообщила она.

Непророшая на морде краска слегка сместилась, и Найтири показалось, что кот скривился. Ещё нарисованные коты не выказывали ей своё «Фе!»

- Не нравится – отправлю картон в печь! – пригрозила она коту.

Нарисованный кот прикинулся самым обычным нарисованным котом. То-то же!

Открытый на рисунке альбом остался на столе сохнуть. Теперь можно и почитать.

Найтири любила читать. Про природу, про путешествия. Когда-нибудь и она отправится в дальние страны. Заполнит шесть чемоданов альбомами, красками и карандашами для набросков и будет набираться впечатлений, как самый настоящий художник. В мире столько всего интересного и достойного быть запечатлённым на холсте. Это ненормально – писать картины из головы. Но что поделать, пока путь обычного живописца для неё не доступен.

Тихая атмосфера в доме и привычный запах краски навевали сон. Можно и лечь спать. Опекуны, как вернуться, увидят, что свет в её комнате не горит, и хотя бы сегодня Двойра Эланести не будет докучать своими нудными поучениями.

Глава 3

Тепло. Уютно. В душе умиротворённо и спокойно. Вот что значит целых полдня и всю ночь не видеть никого из опекунов, а потом ещё и хорошо выспаться.

Найтири сладко потянулась. Под боком кто-то недовольно заворчал. Последние, самые сладкие остатки сна мгновенно улетучились. Под одеялом определённо кто-то был. Тёплый и пушистый.

И чего бояться? Если не покусал, пока спала, вряд ли сделает это сейчас. И всё же смелости удалось набрать не сразу. Правда, по басовитому урчанию и так можно догадаться, что под одеялом наглым и непонятным образом расположился какой-то кот. Но откуда ему взяться? У Фенгара, ровесника Найтири, была аллергия на кошек, потому живность в доме Эланести не приветствовалась. Вообще никакая, а то мало ли что, опухнет ещё дитяtko.

- И откуда ты мог взяться? – Найтири всё же решила заглянуть под одеяло.

Оттуда на неё глянули абсолютно чёрные глаза. Почему решила, что чёрные? Так сам кот был жёлтым. Увидев столь странный окрас, даже и толики сомнения не допустила, что глаза могут быть иные. Не далее, как вчера вечером видела точно такого. В альбоме.

Ну вот, дожилась. На полном серьёзе допускает, что очутившийся неизвестно каким образом под её одеялом кот будет абсолютно таким же, как и нарисованный вчера. Впрочем, можно проверить.

Найтири откинула одеяло и соскочила с кровати, чтобы подойти к столу и сравнить, так сказать, прототип с оригиналом. Кот, явно не обрадованный окончанием сонных обнимашек, что-то недовольно проворчал.

- Пришёл неизвестно откуда, ещё и... - хотела пожурить бесцеремонного вторженца Найтири, но резко смолкла.

Альбомная страница, которую, как она точно помнила, оставила раскрытой, чтобы краски подсохли, была чиста. На всякий случай всё же пролистала весь альбом. Даже заглянула в новый, привычно спрятанный под матрас. Нарисованного жёлтого кота с чёрными глазами нигде не было. Зато имелся в наличии точно такой же, но вполне себе живой.

- Теодор? – кажется, именно так она назвала вчера своё искусство.

- Мряу? – один чёрный глаз снисходительно приоткрылся.

Ага, этот кот тоже откликается на имя Теодор. В совпадение верить, конечно, хотелось. Очень. Но не получалось.

- Может, и правда с моей головой что-то не в порядке?

Спросила больше у себя, но кот с готовностью ответил:

- Мряу!

И без перевода догадалась, что частично согласен. И даже поняла, что его не устраивает. А не устраивал кота его цвет. Но кто бы мог подумать?!

- Думаешь, я могла предположить, что ты оживёшь? – это что, Найтири пытается оправдаться перед нарисованным котом?! – Ну случайно это вышло. Случайно! И выбор цвета, и вообще... – да, она пытается оправдаться.

- И вообще, я хотела... - продолжила оправдания, но прервалась.

...Хотела просто опробовать новую кисть? Да, именно так и было. Но сказать вполне себе живому коту, что он – неудавшаяся проба кисти? Ну уж нет. Похоже, характерец у её Теодора ещё тот. Мог бы говорить, много чего нелицеприятного пришлось бы услышать в свой адрес.

И вообще, о чём вообще думает! О характере неизвестно каким образом соскочившего с альбомного листа кота. Её кота. Которого она ни за что не выгонит.

Но что же делать?

- И что будем делать? – решила поинтересоваться у вальяжно развалившегося на её постели кота.

По выражению жёлтой морды было понятно, что эта проблема волнует саму Найтири, но никак не его. Он будет жить здесь. Других вариантов просто не рассматривается.

- Понимаешь, у Фенгара на кошек, и на котов тоже, аллергия. А лемора Эланести – его родная, а моя приёмная мать – иногда бывает излишне строга.

Кот как ни в чём не бывало принялся приводить в порядок одну из своих задних лап. Что здесь не понять, не его это проблема. Не его!

- Попросить лемориту Элину, чтобы она тебя приютила?

Ответное презрительное фырчанье в переводе не понадобилось.

- А не слишком ли много вы на себя берёте, лемор Теодор? Здесь я хозяйка.

Ну да, ну да, когда это люди были хозяевами котов. Скажет тоже.

Спорить с бессловесным созданием? Только время терять. И вообще, все его ответы придумала сама Найтири. Как будто ей заняться больше нечем. Давно пора приводить себя в порядок и идти на завтрак. Лемора Эланести очень не любит, когда воспитанница куда-либо опаздывает. Тем более сегодня нужно идти на службу в храм. Этого ей никогда не позволялось пропускать. Нужно же показать всем, как заботятся добрые опекуны о душе и душевных качествах доверенной им воспитанницы. А где это делать лучше всего, как не в храме.

Если и теплилась слабая надежда, что, пока Найтири умывается и одевается, неправильный кот исчезнет, то она не оправдалась. Теодор сидел под дверью и ожидал, когда его проведут к месту, где можно поесть.

Пора проявить твёрдость.

- Ты остаёшься здесь! Иначе полетишь отсюда и вообще из дома, считая рёбрами ступеньки. У лемора Эланести ботинки очень крепкие.

Пробовать на крепость ботинки лемора Эланести и считать таким изощрённым образом ступени кот не хотел, а потому развернулся и, выражая вселенскую покорность и обиду, направился к постели, досыпать.

- И смотри, чтобы тебя никто не увидел! – напутствовала Найтири перед тем, как выйти из комнаты. Совсем немного пообщавшись с котом, она стопроцентно была уверена, что тот её поймёт.

За завтраком удалось припрятать пару оладушков и приличный кусок ветчины. Поев, Найтири вернулась в свою комнату, чтобы отдать добычу Теодору и захватить накидку на голову, в которой добропорядочной прихожанке надлежало посещать храм.

- Я побежала, негоже злить лемору Эланести с самого утра, - сообщила она коту, с недовольным видом обнюхивавшему подношение. – Что делать с тобой, решим позже. Помни, тебя никто не должен увидеть!

Ответа ждать не стала, захлопнула дверь и побежала к выходу. Это опекуны могли задержаться, но никак не бесправная воспитанница.

Прождала их в холле не больше четверти часа. Наконец лемор и лемора Эланести изволили появиться. Как хорошо, противный Фенгар – единственный из их троих детей, проживающий с родителями, сейчас не с ними. Найтири давно сделала вывод, что чем реже видится с ним, тем лучше у неё настроение и жизнь в целом.

Надменным величественным флагманом лемора Эланести проплыла к выходу, за ней, стараясь сохранить важность и достоинство, шествовал её муж. Понятно, что бедолага предпочёл бы провести это время куда как с большей пользой. Да хотя бы сидя с газетой в кресле у камина. Похоже, вчера он опять «немного перебрал». Возраст всё же берёт своё, безнаказанно для здоровья уже не поскачешь по клубам и борделям, как тот же Фенгар.

Строгая карета, не такая вычурная, как у зазнаек-аристократов, но всё же настоящая карета, ждала у входа в дом. Лемор Эланести помог жене занять место в экипаже, повернулся

к воспитаннице, чтобы подсадить и её, но Найтири ловко увернулась от его липких рученок и забралась сама. И всё равно получила злобный тычок локтем от опекуниши, как будто не сам похотливый муженёк старался облапать всех, кто носил юбку. И почему люди такие... люди? Сколько можно задавать вопросы, на которые нет ответов. Лучше открыть молитвенник и, сделав вид, что углубилась в чтение, просто помечтать. Главное не забывать изредка переворачивать страницы.

Можно начинать обдумывать сюжет новой картины. Пусть это будет не мрачное море, и не одинокий утёс. И не пустыня со скорчившимся в безнадёжной попытке выжить путником. Пусть это будет лес. Да, лес. Не тёмный и дремучий, а лёгкий, весенний. С обязательным солнышком, непринуждённо прорывающимся сквозь молодую листву. Если обговорить словами каждое деревце, которое планировала нарисовать, ведь должно получиться, правда? Правда-правда.

Карета остановилась. Приехали. Лемор Эланести выбрался первым, протянул руку жене, следом – Найтири. Но здесь уже всё культурно, без лишних пошлёпываний по мягким местам. На них ведь смотрят!

Ещё в детстве Найтири научилась дремать в храме с открытыми глазами. Очень полезный навык. Но сегодня её захватил сюжет новой картины. Нужно продумать всё до мелочей, а потом перенести на холст. Ну что здесь сложного? Может, умеет. И сделает!

После окончания службы вышла из храма в приподнятом настроении. Улыбаясь собственным мыслям, покорно дождалась, пока лемора Эланести поболтает со встреченными знакомыми о вечном. К счастью, на этот раз самой Найтири разговоры не касались, нашлась другая тема, более важная. Кажется, говорили о заседании попечительского совета чего-то-там-очень-важного. Хорошо-то как, значит, лемора отбудет туда сразу после обеда. Муж её скорее всего тоже исчезнет или закроется в кабинете с бутылочкой чего-нибудь горячительного, а Фенгар, будучи догадливым молодым человеком, уже должен был смыться из дома, чтобы не попасть под занудные нравоучения матушки.

Так и начнёшь верить, что с продажей последней картины вместе с ней ушло всё то мрачное, что было в жизни. Пожалуй, стоит последовать совету лемориты Элины и выбирать более жизнерадостные сюжеты, тогда и окружающая действительность будет добрее и лояльнее.

Жаль, что сегодня не удастся сбежать в мастерскую. По воскресеньям уроков не было. И просто так не уйти, негоже молодым приличным девушкам шататься по городу бесцельно. Ладно, можно заняться карандашными набросками. Прорисовать каждое дерево, каждый кустик и травинку. И обязательно солнце. Ведь обещала себе, что новая картина будет светлой и жизнерадостной.

Теодор встретил недовольным ворчанием.

- Хочешь есть и в туалет? Потерпи, скоро принесу тебе что-нибудь поесть, а в туалет можешь ходить сюда, - Найтири провела кота в ванную комнату и подошла к стульчаку. Принюхалась. Смыла пахучую желтоватую лужу, – Ты уже и сам догадался? Какой же ты у меня молодец! Дай поцелую в носик.

Целоваться в носик Теодор не захотел. Ещё чего! Лучше есть скорее неси.

Кормление кота могло стать проблемой. Похоже, его одним кусочком ветчины и парой оладушков не удовлетворить, всё же животное довольно крупное. Придётся тайно покупать для него мясо и молоко, или что там едят такие здоровые коты. Одно ясно уже сейчас: едят они много. И покупать это нужно где-то подальше от дома. Не хватало ещё, чтобы лавочники принялись выяснять, зачем живущей на всём готовом воспитаннице четы Эланести сырое мясо.

За обедом удалось спрятать в салфетку котлетку и немного овощного пюре.

- Вот, пока только это. Позже на кухне попрошу стакан молока и булочку, - Найтири положила перед Теодором подношение.

Кот принялся есть. И как спиной можно выказывать столько неудовольствия? Наверное, потому что у кое-кого спина не совсем обычной расцветки. А кое у кого другого излишне развито воображение. Впрочем, так ли это странно для художника – развитое воображение? И всё же, иногда оно могло бы быть и покладистее.

Закончив с кормёжкой, Найтири достала альбом. На всякий случай ещё раз пролистала его, надеясь найти вчерашний рисунок. Уже не удивилась, когда его не нашла. И спросить не у кого. Разве что у самого Теодора. Он, может быть, и знает, но сказать не скажет. И не факт, что только потому, что говорить не умеет. Кот ей попался ещё тот вредина.

Ну да ладно. Если прямо сейчас этот вопрос прояснить не получится, то и тратить время на раздумья не стоит.

Карандаш забегал по листу. Одно дерево, рядом другое. Робкие головки первоцветов. Пенёк? И пенёк нарисуем. По осени такой обязательно обрастёт грибами, но у нас на картине весна, потому весну и рисуем.

Тихо, спокойно. Немного мешает кот, который пытается поймать бегающий по картону карандаш.

- Теодор, ты видишь, я рисую. Не мешай! Займись своими кошачьими делами. Мои картины – это наш пропуск в будущую безбедную жизнь, где у нас будет собственный домик и много мяса. Хочешь много мяса?

Мясо, судя по выражению морды, Теодор хотел, но и дела у него были те же, что и у Найтири. Он был твёрдо намерен помогать ей зарабатывать деньги на их будущий домик, в котором будет много мяса.

Глава 4

Рисовать Найтири была готова до самой ночи. Впрочем, и ночью тоже. Но ведь у котика режим! Он опять хотел есть. Хорошо, что дома нет никого из хозяев. Можно пройти на кухню и собрать чего-нибудь для Теодора.

Вылазка на кухню удалась. В воскресенье после обеда кухарка, как правило, оставляла что-нибудь перекусить для тех, кто оставался дома, и уходила по своим делам.

Найтири быстро собрала на поднос различной снеди, которая, как надеялась, понравится коту, удалось даже прихватить небольшой кусочек мяса с ледника. Теодор должен остаться довольным.

И всё же, как расслабляет спокойная жизнь. Всего сутки без привычных выходов хозяев и их противного сынка, и Найтири потеряла бдительность. Хотя как тут можно догадаться, что этот придурок спрячется за поворотом в коридоре и выскочит в самый неподходящий момент.

Руки расставил, замерев в полуприсяде, левая нога почему-то босая, одна пола мятой белоснежной рубашки выпростана из брюк, светло-соломенные волосы взлохмачены, на лице широкая идиотская улыбка, обнажающая отсутствие шестого верхнего зуба справа. Как художник, Найтири хорошо запоминала детали. Да, что тут скажешь, как есть красавец, так и просится на полотно, которое достойно того, чтобы быть выставленным в главном холле четы Эланести.

- О, какой прогресс, ты встречаешь меня улыбкой, - Фенгар ещё больше осклабился.

Кто бы не улыбнулся, представив реакцию гостей на такую картину.

До двери в комнату меньше десятка шагов, но на пути неожиданное препятствие. И где эта лемора Эланести, когда она так нужна? Похоже, разнузданный сынок боится только её. Бежать на улицу и подождать там? Почти стемнело, и она скоро должна вернуться. Но тогда придётся выслушать длинное нравоучение, ведь это именно воспитанница виновата, именно она соблазняет такого праведного сыночка. Найтири так бы и сделала, но тогда не получится накормить Теодора.

- Пусти!

- За поцелуй, - на пьяном лице застыла наглая ухмылка.

- Ты мне брат!

- Вот ещё, не хочу я быть братом какой-то приبلуде. Я хочу быть твоим героем, - Фенгар выпятил хилую грудь, стукнул по ней кулаком и, опять расставив руки, стал медленно приближаться к девушке.

Найтири уже собралась спасаться бегством, но в это время дверь её комнаты приоткрылась, и в щели показалась жёлтая кошачья морда. Только не это!

Как удачно Фенгар упал, как будто кто-то поставил ему подножку. Это шанс. И Найтири рванула мимо него к своей комнате. Там есть задвижка. Выламывать дверь «братец» не посмеет.

У неё почти получилось. В последний момент Фенгар ухватил за юбку. Так и пожалеешь, что у женщин такие неудобные одеяния.

- Пусти, гад!

- Не пуцу, давай поваляемся вместе, - и дёрнул со всей силы на себя.

Всё, что удалось Найтири, это извернуться так, чтобы поднос и всё его содержимое упали на Фенгара. Грохот получился знатный. Пришибла? Нет, пьяному всё нипочём, и младший Эланести умело подмял её под себя. А вот это уже совсем не смешно. Тут уже и нравоучения леморы Эланести будут предпочтительнее. Противная рука коснулась лодыжки.

Найтири закричала. Вдруг кто-то уже вернулся домой?

Дальше всё завертелось с невероятной скоростью. Дверь в её комнату распахнулась, и оттуда вырвался жёлто-огненный вихрь, дико заорал и вцепился когтями в удивлённо приподнятое лицо Фенгара. Кажется, совместные вопли одного и другого были слышны даже соседям.

И чему тут удивляться, что именно этот момент выбрала лемора Эланести, чтобы вернуться. А ведь совсем недавно Найтири мечтала, чтобы это было так. Да уж, можно с уверенностью сказать, что полоса везения закончилась.

Вроде бы уже много раз слышала всё, что ей сейчас выговаривали, ну, за исключением вставок про «блохастую драную кошку». Причём не понять, про Теодора это было сказано или про саму Найтири. Бешеная, неуправляемая, никчёмная. Это всё про неё, а никак не про бедного несчастного сыночка, на которого жестоко напали и изуродовали чуть ли не до смерти. Ах, нет, ещё последние слова вдохновенного монолога были немного другими.

- Вон из моего дома вместе с этой драной кошкой!

К счастью, предварительная часть воспитательного процесса закончилась, Двойре Эланести было не до воспитанницы, младший ребёнок жалко скулил и требовал немедленного внимания.

После того, как мать и сын скрылись в его комнате, Найтири позвала Теодора, спокойно подьедавшего разбросанные по коридору лакомые кусочки, и ушла к себе.

- И что нам теперь делать? – безнадёжно поинтересовалась она у первопричины всех её неприятностей. – Тебя точно выгонят, да и мне житья не дадут.

Чёрные глаза недоумённо моргнули. Как, что делать? Нас вроде бы как уже выгнали. Вместе.

А ведь и правда, последние слова леморы Эланести были: «Вон из моего дома вместе с этой драной кошкой!» Не об этом ли мечтала сама Найтири? О самостоятельности. И чего тогда ждать? Добрых напутствий? Кажется, это не их случай.

В корзинку для рукоделия полетели пара припрятанных альбомов, купленные вчера кисти и краски и немного белья. В небольшую сумочку – документы и кошелек с несколькими монетами, которые держала при себе на всякий случай. Позже Найтири заберёт в банке полученные за продажу картин деньги, купит себе одежду и главное, снимет тот замечательный домик со студией. Чем не план.

- Уходим? – как же хорошо, когда есть, к кому обратиться за советом.

Теодор гордо задрал хвост и прошествовал к двери. Вот и хорошо, что не одна. Вдвоём начинать новую жизнь не так страшно.

Не страшно, но опасливо. Нужно ещё выбраться из дома. Задумчиво посмотрела на Теодора.

- Лучше всего и тебя устроить в корзине, а то потеряешься ещё в доме. Сейчас совсем неподходящий момент гоняться за тобой.

Презрительному фырканию почти не удивилась. Ну и ладно, не так уж и много в корзинке свободного места, а кот получился весьма упитанный.

- Идём-идём. Только не отставай!

Мимо жилых комнат пробрались без приключений. За слегка приоткрытой дверью в комнату Фенгара слышались голоса леморы Эланести и незнакомого мужчины, похоже, доктора. Вдвоём они уговаривали великовозрастное дитя не бояться и дать как следует обработать раны. Кольнуло чувство вины. А вдруг Теодор повредил глаза? Впрочем, заходить и извиняться точно не стоит, если всё так плохо, тем более нужно как можно скорее исчезнуть.

На улицу выбрались через ход для слуг. Так оно спокойнее будет. Теодор, выделяясь ярким жёлтым пятном в полутьме коридоров, послушно шёл рядом.

Быстро покинув негостеприимный для них дом, девушка и кот вышли на улицу. Стоило подумать, куда же направиться теперь. Впрочем, разве есть у них варианты? Из всех, кто был

знаком Найтири, только преподавательница рисования относилась к ней по-доброму. Только вряд ли она в такое время находится в студии. Идти к ней домой было неудобно, но что ещё остаётся. Как хорошо, что приходилось бывать там раньше, леморита не единожды приглашала свою лучшую ученицу в гости на чай с пирожными.

Опасно ли девушке ходить по улицам одной в вечернее время? Только не с таким решительным котом. Тут уж пусть опасаются те, кто задумает в их отношении недоброе. Похоже, боевой запал Теодора так и не иссяк, вон как воинственно поглядывает по сторонам.

Две улицы до дома, где жила леморита Элина, преодолели без приключений. Только бы она оказалась дома.

Открыла далеко не сразу. Домашние тужельки и кокетливый халатик. Наспех причёсанные волосы, немного шальной и счастливый взгляд. Такой свою преподавательницу Найтири никогда не видела.

- Дори, что случилось?

- Леморита Элина, я вас разбудила?

Как неудобно, похоже, та легла спать пораньше.

- Н-нет. Ты что-то хотела? – леморита с удивлением и плохо скрытой досадой осматривала пришедших.

- Я... понимаете, - ну и как говорить о своей проблеме на улице? – Можно нам войти?

Не дожидаясь разрешения, сделала шаг за порог.

- Что у тебя случилось? Почему ты здесь в столь позднее время? – уже не скрывая недовольства, поинтересовалась хозяйка.

- Можно мы у вас сегодня переночуем? – выпалила Найтири и, чтобы сразу пояснить серьёзность своего положения, добавила: - Нам... пришлось уйти из дома.

О том, что ей собираются отказать, поняла ещё до того, как леморита Элина открыла рот.

- Дори, так нельзя! Они твои опекуны. Я не хочу быть втянутой в похищение несовершеннолетней!

- Кто там, Эли? – послышался сверху мужской голос.

На ступенях, ведущих со второго этажа вниз, показались волосатые мужские ноги.

Найтири не стала ждать, что же там появится следом за такой откровенной натурой, быстро развернулась и выбежала из дома. Оно конечно, леморита Элина, пусть и незамужняя, имела право устраивать личную жизнь по своему усмотрению. Похоже, здесь всё серьёзно. Да и не личная жизнь достаточно взрослой женщины должна сейчас волновать, а своя собственная.

Кажется, ей вслед кричали что-то насчёт того, что она обязана вернуться домой. И кажется, вариант с помощью лемориты Элины можно вообще не рассматривать. Сдаст опекунам, не задумываясь.

Какая-то рациональная часть мозга удовлетворённо отметила, что правильно Найтири положила почти все вырученные от продажи работ деньги на собственный счёт. пожалела, что не успела забрать те, что полагались за последнюю картину. Ну да ладно. Заберёт позже. И без этой суммы денег скопилось достаточно. Пусть не купить домик, как мечталось в перспективе, но снять небольшую квартиру со студией Найтири в состоянии.

Осталось решить, где провести сегодняшнюю ночь. Голова работала на удивление трезво. В обычные гостиницы лучше и не пытаться попасть. Могут начать выяснять, кто да откуда, почему такая молоденькая девушка без сопровождения.

Раньше Найтири уже приходилось путешествовать. Пару раз Эланести брали её с собой, когда отправлялись «на воды». И она знала, что работники на промежуточных станциях междугородних дилижансов особо не интересуются прибывшими пассажирами, некогда.

Неподалёку есть такая станция, а при ней постоялый двор. Нужно просто зайти туда вместе с другими пассажирами, кто там будет разбираться в такой толчее. Правда, придётся

спрятать Теодора в корзинке. Мало того, что кот, ещё и жёлтый. Очень уж яркая примета для тех, кто будет искать.

Ждать прибывающего дилижанса пришлось больше часа. Зато едва экипаж остановился на подъездной площадке, Найтири, предварительно упрятав Теодора в корзинку и укрыв его платком, первая зашла в холл постоялого двора. Здесь её уже ждали. Вернее, не конкретно её, а пассажиров того самого дилижанса. Как и рассчитывала, никто ничего спрашивать не стал. Служащий гостиницы, даже не спрашивая документов, взял деньги, выдал ключ с номером комнаты, отметил, что ужин постоялице принесут в комнату, и тут же повернулся к следующему клиенту. Таковых уже собралась целая очередь. Некогда тут выяснять подноготную каждого. Да и люди с дороги устали, находятся не в самом приятном расположении духа.

Безликий номер гостиницы не особо удивил. Заправленная стёганым покрывалом кровать, скучный двусторчатый шкаф, стол и возле него два стула. Унылый бордово-серый ковёр. Впрочем, много ли нужно путешественнику, остановившемуся здесь всего на одну ночь.

В дверь постучали. Теодор понятливо скрылся за кроватью. Получив разрешение, в комнату вошла усталая женщина и поставила поднос с поздним ужином на стол.

- К дилижансу вас будить или сами?

- Что? – не сразу поняла вопрос Найтири.

- Я говорю утром сами проснётесь, или разбудить? А то есть такие, что спят до обеда, а дилижанс давно тю-тю. Нас же потом обвиняют.

Найтири не нужно было на дилижанс, но зачем рушить удачную легенду.

- Буду благодарна, если разбудите, - в руку горничной перекинула мелкая монетка. Так оно надёжнее будет.

Женщина кивнула, сообщила, что разбудит ещё до завтрака и, пожелав спокойной ночи, удалилась.

- Есть будешь?

Могла бы и не спрашивать. Едва успела закрыть за ушедшей дверь, а Теодор уже занял один из двух стульев. Найтири честно поделила ужин. Себе салат, булочку и сок, коту – тарелку мясного рагу и молоко. Неплохо тут кормят путешественников.

Не успели покончить с ужином, как в дверь вновь постучали. Теодор мученически закатил глаза и опять исчез за кроватью. Найтири, предварительно составив посуду на одну сторону стола, чтобы никому не пришло в голову, что ели вдвоём, пошла открывать. За дверью стояла всё та же горничная.

- Я вот, умыться вам с дороги принесла. А то умывальни у нас общие, - и она внесла достаточно большой кувшин с водой, таз для умывания и ночную вазу. – Может, вам, леморита, и завтрак в комнату принести? Обычно для проезжающих мы такое не делаем, но мне не сложно.

Вот что значит вовремя данная монетка. Что ж, такая забота стоит того, чтобы расстаться с ещё одной, что Найтири без сожаления и сделала, согласившись, что завтрак в комнату – это будет замечательно. И да, утром она предпочитает есть поплотнее, больше мясного и молочного, а то неизвестно, когда будет обед, и как там будут кормить, а здесь же всё просто замечательное. И еда, и обслуживание. Горничная расплылась в улыбке и, окончательно попрощавшись, вышла.

Сегодняшний день без преувеличения можно назвать бесконечным, а потому, закончив с ужином, быстро обмывшись и сняв с себя верхнее платье, Найтири забралась под одеяло. Сил спорить с Теодором о том, где будет спать он, уже не было, да и, честно признаться, желания тоже. Так сладко засыпается и спится, когда под боком мурчит кто-то тёплый и пушистый.

Ночью, как это часто бывало, снились будущие картины. Жаль, что не та, которую замыслила написать Найтири. Вернее, началось с неё, но деревья на эскизах настойчиво увеличивались в размерах и наперегонки стремились вверх, закрывая собой солнце. Да, величественно

и красиво, но ведь решила же написать более лёгкий пейзаж. Решила и напишет! Уж точно не снам управлять её творчеством. С этой мыслью ушла в крепкий сон.

Утром разбудил вежливый стук в дверь. Найтири даже во сне удивилась, кто это так? Обычно к ней в комнату бесцеремонно вламывались с кучей очередных претензий. Только после того, как бедра коснулись осторожно выпущенные когти, вспомнила, что находится не в доме Эланести, а в гостинице.

Укрыла растянувшегося во весь рост кота одеялом и пошла открывать. За дверью стояла всё та же горничная. В руках у неё был поднос, достаточно плотно заставленный тарелками. Только намётанный глаз художника заметил мелькнувшую в глазах женщины хитринку. Заказывала очень плотный завтрак? Получи! В стоимость всё равно включено, а если что и останется, то кому доест, найдётся.

- Через полчаса ваш дилижанс отправляется, - сочли нужным предупредить её.

Найтири поблагодарила служанку, вложила в уже привычно протянутую руку очередную монетку и, закрыв дверь на засов, принялась одеваться.

Уж что-что, а приём пищи её новоприобретение, похоже, никогда не пропустит. Кот, оставив умывание и прочие утренние процедуры на потом, уже сидел за столом.

На этот раз, помимо вкуснейшей молочной каши, Найтири досталась и одна из трёх тефтелек. Всё как и просила, много мяса. Помимо тефтелек Теодору досталось ещё и блюдо с тонко порезанными кусочками ветчины и колбасы. Впрочем, кашей тоже пришлось делиться, отложив часть на одну из тарелок, иначе наглая кошачья морда норовила поест из её посуды.

С завтраком покончили быстро. Ничего мясного, если на это и рассчитывала горничная, не осталось. Пару мягких плюшек пришлось завернуть в салфетку и положить в карман, в корзинку они бы уже не поместились. Кто-то очень плотно поел, заметно утяжелив поклажу. Хорошо хоть тащить его недолго, пусть ножками топает.

Найтири подождала, пока Теодор устроится в корзине, опять прикрыла его и напоследок оглядела комнату, не оставила ли чего. А что оставлять, если с собой только то, что на ней, и кот. И одежда, и кот были на местах. Можно уходить. Первая самостоятельная ночь закончилась. Не так уж и страшно жить одной. И уж точно спокойнее.

Глава 5

На улицу Найтири вышла даже чуть раньше пассажиров междугородного дилижанса. Немного постояла, осматриваясь и, крепче перехватив корзинку с тяжеловесной поклажей, направилась к остановке омнибуса. План дальнейших действий уже был составлен. Жаль, конечно, что снять присмотренный домик не получится. Было подозрение, что леморита Элина, бывшая в курсе её планов, всё расскажет опекунам, когда те вознамерятся вернуть беглянку. Пусть лемора Эланести и выгнала вчера из дома, но вдруг? Похоже, доверять можно только себе.

Контору по найму жилья выбрала на другом конце города. Полноватый лысеющий служащий неохотно отставил в сторону чашку, спокойно дожеввал бутерброд и, сделав пару судорожных глотков, с мученическим вздохом спросил, что нужно леморите. Даже не поднялся, приветствуя клиентку. Оно и понятно, что можно ожидать от скромно одетой девицы с корзинкой в руках, да ещё и прикрытой платком.

- Я хочу снять домик на окраине. Небольшой, но светлый. Желательно с двориком.

- Домик. Обязательно светлый. Да ещё и с двориком, - повторил за ней клерк. – Есть у нас такие, как не быть. От ста лекудо в месяц, - припечатал он и с усмешкой уставился на Найтири.

Он что же, ожидал, что она в ужасе распахнёт глаза и, признавшись, что ошиблась дверью, убежит, давая ему возможность спокойно закончить завтрак? Дома завтракать нужно!

- Хорошо, я желаю осмотреть их.

- Сто лекудо – это минимальная цена.

- Я вас услышала и желаю осмотреть то, что вы предлагаете, - старательно удерживая доброжелательную улыбку, повторила Найтири.

- Как правило, оплата за три месяца вперёд, - клерк никак не хотел верить в платёжеспособность клиентки.

Пришлось вспомнить частое выражение лица опекунши, надменно вскидывать бровь и спрашивать уже совсем другим голосом:

- Вы сдаёте жильё или выискиваете препоны, чтобы этого не делать?

- Сдаём. Чем будете платить? – м-да, не с её опытом пробивать броню этого мастера своего дела.

- Чек Королевского банка вас устроит?

- Наличные. Сразу после подписания договора.

Интересно, он сам по себе такой вредный или жизнь научила недоверию?

- Согласна. А теперь, если не сложно, представьтесь и всё же извольте показать то, что можете предложить.

Неприветливый клерк назвался лемором Гендо. Он мученически вздохнул, как будто его гонят в метель в чистое поле неизвестно зачем, и поднялся из-за стола.

Чтобы не мотаться по городу пешком, пришлось нанять экипаж. Естественно, за счёт Найтири. Что-то деньги разлетаются непозволительно быстро. Ну да ничего, её картины пользуются спросом. Стоит только устроиться, и можно дни напролёт посвятить рисованию.

Первый предложенный дом оказался почти в центре города. Найтири даже осматривать его не стала. Как и просила, светлый, но назвать его небольшим язык не повернулся бы. Двухэтажный, с огромным двором. Да тут только спален не меньше полудюжины! Даже выходить из экипажа не стала, только с укоризной посмотрела на лемора Гендо.

Что уж там у него щёлкнуло в голове, но следующие предложения были уже более соответствующими её заявке. Найтири без раздумий отринула старые халупы, дома в подозрительных кварталах и на шумных торговых улицах.

- Есть ещё в художественном квартале, - лемор Гендо скривился. Слово художественный прозвучало, как ругательное.

- И что с ними не так?

- Это очень далеко, на другом краю столицы, можно сказать пригород. Да и художники, они странные. Так и норовят чужих невест увести!

О, а вот, кажется, и частица чужой трагедии приоткрылась. У него увёл невесту художник? Ну так немудрено от такого сбежать. Но вот то, что это очень далеко от дома Эланести, это прекрасно.

- Мне это не грозит. Едем туда!

Домик понравился Найтири с первого взгляда. Пусть он и был больше того, что планировала снять, но смотрелся, как картинка. Выкрашенный в ярко-синий и голубой цвет, с внутренним двориком и светлой мансардой, где можно устроить студию. Даже не зайдя в него, поняла, что он – тот самый.

Усилием воли удалось сдержать первый порыв и степенно выбраться из экипажа, чтобы пройти в дом.

Из холла-прихожей уходил небольшой коридор, заканчивающийся лестницей, ведущей наверх. Слева – дверь в гостиную, справа – на кухню. Из коридорчика можно попасть в две спальни. Наверху – огромная светлая студия и ещё пара совсем небольших помещений, которые при необходимости можно оборудовать хоть под спальни, хоть под кабинет. Во всех комнатах, кроме абсолютно пустой студии, была расставлена мебель. Не дорогая и вычурная, но вполне удобная. Найтири влюбилась в дом сразу же.

Хотелось радостно захлопать в ладоши и закричать: «Беру этот!» К счастью, вовремя вспомнила о сопровождающем. Заметив повышенный интерес, ушлый пройдоха мог и цену заломить несусветную. Лемор Гендо с кислой миной стоял в холле и, похоже, думал о том, что по вине клиентки остался не только без завтрака, но и без обеда.

- Сколько? – коротко поинтересовалась Найтири.

Как оживляются люди, когда речь заходит о причитающихся им деньгах.

- Две сотни лекудо! Если заплатите за три месяца вперёд – десять процентов скидки. Шесть месяцев – пятнадцать. Если договор на год – ещё пять процентов скидки.

То есть, можно платить и помесечно.

- Меня устраивают условия, - едва сдерживая ликование, сообщила Найтири. – А теперь извольте оставить мне ключи и подготовить договор. Я же пока съезжу в банк за наличными. Встретимся в вашей конторе!

Лемор Гендо безропотно отдал надоевшей клиентке ключи и вышел из дома. Найтири задержалась совсем ненадолго, только чтобы оставить порядком оттянувшую руки корзинку.

- Ты тут осваивайся, - сообщила она недовольному Теодору, - я оформлю все документы и вернусь. И да, да! – тут же исправилась в ответ на требовательный взгляд. – Обязательно принесу еду.

- Вы там с кем-то разговаривали? – поинтересовался поджидавший на крыльце лемор Гендо.

- Подсчитывала, сколько нужно денег, чтобы оплатить аренду за три месяца, - мило улыбнулась Найтири.

Пока сопровождающий осмысливал сказанное, прошла к экипажу и, не дожидаясь его, велела кучеру трогать. А что, платила за экипаж она, и вообще, им не по пути. Маленькая месть? Можно же и ей немного побыть вредной. Это, оказывается, так приятно.

В банке Найтири знали и выдали наличные без лишних вопросов. Проблем с дальнейшим оформлением документов на аренду тоже не возникло. Либо лемор Гендо наконец-то

плотно пообедал и от этого стал приветливее, либо его так воодушевило заключение договора. По крайней мере улыбался он, если и не искренне, то очень старательно. Найтири? Она тоже улыбалась, и совсем не важно, что не конкретно этому заносчивому клерку, а своей свободе и открывающимся перспективам. Это ли не счастье – заниматься тем, к чему лежит душа.

Последние пару улиц до дома решила пройти пешком. Нужно было купить продукты и просто осмотреться. Ведь помимо еды нужно ещё столько всего. Одежда, постель, хотя бы немного посуды и, самое главное, принадлежности для рисования. Наконец-то она может купить всё, что захочет.

Зайдя домой, пронесла на кухню купленные продукты, подхватила на руки встречавшего её Теодора и радостно с ним закружилась.

- Всё получилось! У нас всё получилось. Теперь мы сами себе хозяева. Здорово, правда?

По укоризненному взгляду кота стало понятно, что оно, конечно, всё это здорово, но не мешало бы уже и пообедать, времени после завтрака прошло изрядно.

Увесистый кусок парного мяса и котика убедил, что жизнь прекрасна. Найтири, доедая бутерброд и наблюдая, как быстро, но аккуратно Теодор расправляется со своей порцией, только в этот момент подумала, что достойный аппетит должен вызывать достойное пищеварение.

- Я же лоток тебе не купила!

И опять в кошачьем молчании явственно слышалось осуждение. Не хватало ещё самостоятельному взрослому самцу ходить в лоток. Теодор спокойно доел и, подойдя к двери и толкнув её лапой, вышел на улицу.

- Ну и ладно! Мне же лучше. Только сильно не пачкайся, иначе в постель не пушу, - сообщила Найтири больше себе, чем своенравному животному, и поднялась из-за стола.

Как ни хотелось взяться за кисти и краски, но остаток дня стоило потратить на обустройство на новом месте, чем она и занялась. Основные покупки отложила на завтра.

В постель улеглись довольные друг другом и жизнью. Засыпала с мыслью, что немного странно, что самая заветная мечта сбылась и мечтать как бы не о чем. Или есть о чём? Ведь планировала путешествовать и набираться впечатлений. Но это уже потом, сначала нужно заработать на путешествия денег. Но это как раз не сложно, теперь всё в её руках.

Утро началось, как и положено такому утру, замечательно. Тёплый меховой комок под боком, за окном – солнце и птичьи трели. За дверью – никаких недовольных воплей. Никто никуда не торопит. Поверить пока трудно, но это так. Завтрак прошёл в тёплой дружественной обстановке.

- Мне опять нужно будет уйти. Куплю всё, что нужно для работы. Ты остаёшься за хозяйина, - Найтири на полном серьёзе объяснялась с котом. А что такого, Теодор поумнее некоторых людей будет. И уж точно, как собеседник бессловесный кот куда как приятнее многих людей.

Небрежным взмахом жёлтой когтистой лапы её отпустили.

- Ну спасибо! – Найтири присела в шутовском книксене, прихватила сумочку и вышла на улицу.

Довольно зажмурилась и едва ли не вприпрыжку дошла до калитки. Пришлось даже урезонивать себя. Она теперь самостоятельная особа, пора стать серьёзнее. Хотя бы внешне. А то соседи подумают ещё, что тут живёт совсем ребёнок.

Вчера, когда проезжала, а потом и ходила по улице, заметила сразу несколько лавочек с нарисованными на вывесках кистями и красками. Художественный квартал полностью оправдывал своё название. Только усилием воли тогда смогла пройти мимо. Усилием воли и воспоминанием о том, что дома ждёт вечно голодный кот. Сегодня можно позволить себе предаться безумству. Найтири твёрдо намерена обойти все подобные заведения.

Зашла в первый магазинчик и пропала. Как же здесь много всего!

- Леморита ищет что-то конкретное? – к ней подошёл молодой человек в свободной блузе и с непозволительно длинными для мужчины волосами, собранными в небрежный низкий хвост. Художник или пытающийся таковым казаться. Так сказать, соответствовать антуражу.

- Мольберт, кисти, краски, альбомы и карандаши, - Найтири принялась перечислять необходимое.

- О, леморита хочет приобщиться к рисованию?

А какой ещё можно сделать вывод, если она перечислила почти всё, что нужно художнику? Только тот, что у неё ничего нет. Значит, начинающая. Объяснять ничего не стала, лишь кивнула.

На прилавок легли самые дорогие альбомы, вычурные кисти и подарочные наборы карандашей. Точно принял её за восторженную дамочку, мечтающую приобщиться к искусству. Были у лемориты Элины и такие ученики, которые меряли талант дороговизной используемого инвентаря.

Не то чтобы в этом магазинчике совсем ничего не приглянулось, но ведь впереди ещё несколько, и Найтири вышла, ничего не купив.

В четвёртом или пятом по счёту магазине была ещё и выставочная галерея. Портреты, пейзажи, натюрморты. Некоторые – откровенная мазня, но были и несколько качественно исполненных вещей. Может, Найтири и высокого мнения о своём таланте, но лучше её картин здесь не было.

Не сразу увидела сидящего за прилавком мужчину лет пятидесяти. Он читал какую-то книгу и спокойно ждал, пока посетительница ознакомится с товаром. Понравился Найтири сразу. Не стал подбегать к ней и нахваливать товар, подождал, пока осмотрится и выберет сама, что сразу вызвало доверие. Пожалуй, здесь она и закупится. Тем более, товар во всех магазинах практически одинаковый.

- Я только вчера переехала сюда, - сочла нужным пояснить Найтири, - и хочу закупить у вас всё для рисования.

Продавец согласно кивнул и обвёл жестом витрины и прилавки, предлагая выбрать. Выбирала недолго. Пока только самое необходимое, ведь всегда есть возможность прийти ещё. И всё равно, набралось столько, что самой не унести.

- Всё доставим до дома, - успокоил мужчину и, заметив её неуверенный взгляд, поинтересовался. – Что-то ещё хотите спросить, леморита? Меня, кстати, можете звать лемор Далин или, учитывая ваш юный возраст, можно дядюшка Далин.

- Леморита Найтири, - назвала своё имя она, решив вместе с прежней жизнью избавиться и от ненавистного Дороти. – Я хотела узнать про эти картины. Я могу принести на продажу свои?

И сколько можно повторять, что голос должен звучать уверенно! Тогда и люди будут относиться к тебе соответственно.

- Можете, - конечно же, он заметил её смущение. – Продастся в первую неделю выставочного времени – комиссия будет десять процентов от цены продажи. До месяца – пятнадцать. От месяца до трёх – двадцать. Три месяца и больше – тридцать. Более полугода – пятьдесят. Если провисела год и не продана, автор волен её забрать или же на моё усмотрение. У вас есть готовые работы?

- Н-нет, пока только задумки.

- Будут готовы – приносите!

И не станет Найтири перед ним оправдываться, что все её работы проданы. Пусть за неё говорят её картины.

Распрошались Найтири и лемор Далин довольные друг другом. Найтири назвала адрес, куда нужно доставить покупки, и поспешила домой. Кажется, она пропустила обед, а с таким компаньоном, как у неё, это никуда не годится.

Едва успели закончить с обедом, как прибыли покупки из магазина. Мелкая монетка переключалась в руки парнишки-курьера, а Найтири поспешила со своими приобретениями наверх, в комнату, которую она определила студией. Кот отправился следом. Что ж, пусть устраивается на единственном кресле и спит, как это делают все кошки. Мешать не мешает, а вдвоём всё веселее будет.

Разместить мольберт и прочие принадлежности для рисования много времени не заняло. Можно бы и приступить к работе, начать новую картину хотелось до зуда в пальцах.

И чего Теодору не ложится в кресле? Сел за спиной и недовольно мявчет.

- Ты поел. Хочешь пить? Нет? Гулять? Тоже нет? Что тебя не устраивает? Не мешай, я работаю.

Проворчав что-то на своём кошачьем, неугомонный напарник ухватил зубами кресло и попытался потянуть его.

- Кресло не там стоит?! И куда ваше котейшество желает его передвинуть?

Успокоился Теодор только тогда, когда кресло было установлено так, чтобы с него было видно то, что происходит на мольберте. С чувством собственного достоинства разместился на мягкой подушке, свернулся клубком, удовлетворённо вздохнул и прикрыл глаза.

- И больше чтобы мне не мешал, иначе окажешься за дверью! – сочла нужным предупредить Найтири.

Наброски разложены на вспомогательном столике, холст закреплён, на него лёг первый, самый волнительный мазок.

Дерево, ещё одно, тот самый пенёк и цветы. Вроде бы каждый объект по отдельности хорош, а в полную картину не складываются. Ну не видела Найтири её целиком!

Написала ещё несколько деревьев. Это были отдельно взятые деревья, но не лес, пусть их и было много.

Настоящее, не нарисованное солнце уже клонилось к закату, что-то недовольно ворчал во сне Теодор, а картина не складывалась. Давно у Найтири такого не было, чтобы к концу первого сеанса не видеть общего замысла изображения. Тут могло помочь только одно – прерваться и продолжить завтра, с новыми силами.

Но ни завтра, ни послезавтра так и не выходило задуманное. К концу недели получилась средненькая мазня, даже свою подпись под которой ставить было стыдно, но и продолжать это неудавшееся творение смысла не было. Проще начать новое.

Что ж, иногда так бывает. И случалось такое, когда автор не вкладывал в свою работу душу. Хотела нарисовать что-то лёгкое и светлое? Похоже, внутренне Найтири ещё не отошла от прежней жизни, так как в душе виделись картины строгие, величественные и мрачные, как тот самый грот.

Завтра она докупит красок и начнёт писать тот лес, мощные деревья из которого периодически пытались прорваться в легкомысленный пейзажик. И вообще, нужно немного отвлечься. То, что молочник, мясник и зеленщик исправно поставляли продукты прямо под дверь, это, конечно, хорошо, но ведь нужно и самой иногда выходить на свежий воздух. Вот и Теодор сидел с ней в студии, пока работала. Так и растолстеют вдвоём, хотя куда уж дальше коту толстеть. Но, судя по его довольному виду, нет предела совершенству.

Было и ещё одно дело, которое необходимо закрыть. Опекуны. Да, лемора Эланести выгнала её, но это не значит, что не попытаются вернуть обратно. Или стоит надеяться, что их удовлетворят те деньги, которые будут исправно поступать на содержание приёмщика? Это ведь так удобно, деньги есть, а тратить их на «прожорливую нахлебницу» не нужно. В любом

случае, в дом Эланести Найтири не пойдёт, а вот наведаться к леморите Элине и попытаться узнать что-либо придётся. Так оно спокойнее будет. Завтра как раз должен быть урок.

- Дори, ты здесь?

По виду преподавательницы рисования было видно, что она удивлена появлением ученицы. И удивлена неприятно.

- Здравствуйте, леморита Элина. Да, я здесь. Вас это удивляет?

- Ну... да. Ведь лемора Эланести сочла нужным прийти ко мне и сообщить, что у тебя расшалились нервы, и ты отправилась на воды поправить душевное здоровье, и, пока будешь там, уроков не будет.

Вот как? Опекуны решили скрыть её побег? Мало того, подводят базу, чтобы объявить душевнобольной. Как же неаккуратно подставилась, придя сюда.

- Я пока не уехала, но да, собираюсь, - ложь, честно сказать, получилась так себе. – Дилижанс отходит после обеда. Я могу забрать деньги за последнюю картину?

- Деньги за Грот?

Неужели самостоятельная жизнь так быстро научила Найтири лучше разбираться в людях? Сейчас стало понятно, что расставаться с её деньгами леморита Элина не планировала.

- Да, за Грот. Прошло уже достаточно времени. Картины я не вижу. Её забрали? – это заметила сразу по приходе в студию.

- Да, картину забрали, но... Дори, а ты, случайно, не сбежала из дома? Тем вечером ты была как будто бы не в себе, - леморита Элина постучала себя по губам, делая вид, что задумалась.

То, что это откровенный шантаж, Найтири тоже поняла сразу. И как она раньше не замечала двойной душонки лемориты? Пока ей платили за уроки, пока она могла брать процент с продажи картин, была само благодущие, сейчас сочла возможным приоткрыть совсем другую сторону. Откровенная алчность. Почему бы и не обобрать того, кого некому защитить и с кого, похоже, ничего уже не получится урвать.

Все люди одинаковые, всем нужно одно – деньги.

- Вам недостаточно слова леморы Эланести? – попытка увильнуть от ответа была откровенно жалкой.

- Её слова достаточно. Знаешь, пожалуй, ей я и отдам причитающиеся за картину деньги. Всё же до твоего совершеннолетия именно опекуны отвечают за твои финансы.

Раньше такой щепетильности за леморитой Элиной замечено не было, мало того, она прекрасно была осведомлена о планах своей лучшей ученицы и всячески их поддерживала.

Ещё совсем недавно Найтири было здесь хорошо и уютно, гораздо лучше, чем в доме опекунов. Сюда она стремилась душой и телом. И вот один неприятный разговор открыл глаза и расставил всё по местам. Ей здесь не рады. Мало того, готовы сдать. Но за деньги могут и промолчать. Что здесь не понять.

- Да, конечно. Думаю, так будет правильно, - смогла выдать Найтири и, не попрощавшись, вышла. Добрых слов для прощания не нашлось. Недобрые? Их нужно говорить с особой осторожностью. А то ведь и деньги себе оставит, и леморе Эланести расскажет о встрече и, что совсем уж плохо, о банковском счёте.

По дороге домой несколько раз пересаживалась с омнибуса на извозчика и опять на омнибус. Всё казалось, что за ней следят.

Вернувшись, покормила Теодора и сразу же поднялась в студию. Настроение совсем не для рисования милых пони и цветастых радуг, но вряд ли в ближайшее время захочется писать что-то подобное. Найтири натянула новый холст и, не глядя, взяла в руки кисть. Без набросков, без эскизов. Будь, что будет, даже если просто невразумительная мазня, это успокоит мысли и душу.

Глава 6

Остановило Найтири то, что она почти не смогла различать цвета красок на палитре. Заработалась почти до полной темноты. Зажгла светильники, оглядела то, что получилось.

Голые мрачные скалы. Острые и злые. Полузасохшие кустики отчаянно цепляются за неприветливые трещины. Где-то далеко-далеко, на фоне снежных вершин, парила крупная птица. И больше ничего. Как-то сразу стало понятно, что и добавлять сюда ничего не нужно. Работа закончена. Такого, чтобы написать картину за полдня, у Найтири ещё не было. Как же она устала! Светло от напряжения пальцы, затекла спина. И, что странно, Теодор всё это время молчаливо просидел на кресле, ни разу не потребовав внимания и поесть.

- Вот, - сообщила она коту, - думаю, больше тут добавить нечего. Или... чего-то не хватает? Ты как думаешь?

- Мряу! – восторженно одобрил первый зритель и, соскочив с кресла, коснулся лапой непросохшего полотна.

И пусть достал он только до самого низа и в углу, но отпечаток всё равно был заметен. Ещё бы не заметить жёлтое пятно на тёмно-сером фоне. Только вот странно, почему жёлтое? Наверное, влез в краску. Поругать бессловесную животинку? Найтири склонила голову и критически осмотрела получившуюся композицию.

- А знаешь, ты прав! Не хватало только подписи. И отныне нашей подписью будет не «Дори», а твоя лапа. Ты как, согласен на такое соавторство?

Теодор полностью одобрил эту идею. Правда, намекнул он, направляясь в сторону кухни, соавтора нужно кормить. Машинально глянула на пол, следов краски на нём не осталось. Вот и хорошо, не хватало ещё пол от «подписей» отмывать.

Как оказалось, проголодался не только соавтор, сама художница последний раз ела утром. Что ж, хороший ужин на двоих будет достойным завершением этого сложного дня. Но прежде нужно навести порядок в студии. Найтири отправила холст на просушку, хорошо промыла кисть и последовала за котом.

Утром сразу после завтрака поспешила начать следующую картину, на этот раз более осмысленно. Кажется, хотела написать лес? Вот его и напишем.

Уже к обеду эскизы и наброски были готовы. Вот что значит отпустить творчество на волю!

Новый холст закреплён в подрамнике, краски подготовлены. Осталось выбрать кисточку. Пожалуй, той, что купила у лемора Глека, и которой написала вчерашнюю картину, можно поработать ещё. Пусть созданное с её помощью полотно и кажется немного чуждым, но, даже учитывая личную предвзятость, можно назвать его шедевром. Это уже не просто картина. Даже при всей её суровой неподвижности она живая, как вид за окном.

Ходили среди художественной братии легенды про подобные талисманы. У кого-то палитра, у кого-то мольберт. Для Найтири таковым может оказаться кисточка.

Хотела начинать, но Теодор требовательно намекнул, что за работу они примутся только после обеда. Что ж, обедать – значит, обедать, потом оторваться от любимого дела будет гораздо сложнее. С едой покончили быстро. Вместе же отправились в мастерскую. Кота и правда можно записывать в соавторы. При нём пишется гораздо производительнее.

И опять мазки ложились уверенно и быстро. Почти та же композиция, что и на предыдущей картине, где пыталась изобразить светлый весенний лес, только деревья уверенно рвались ввысь, борясь за место под солнцем и не позволяя мелочёвке путаться в корнях. Солнце? Да, оно тоже здесь присутствует. Видите, меж тех ветвей светлее, чем везде? Это оно самое и есть.

Да, определённо эта кисть со странным мехом лучше всех тех, которыми Найтири пользовалась ранее. Пожалуй, стоит сходить завтра после обеда в лавочку к лемору Далину и хорошенько посмотреть у него. Может, найдётся ещё такая. Опять же, если работа так будет спориться, нужно прикупить ещё холстов и красок. Ну и договориться о продаже уже готовых работ.

Следующее утро, как и планировала, провела за работой. Так сложно оторваться, когда вдохновение так и захватывает. Ещё немного поправить здесь, и эта ветка недостаточно живая. А та – вообще сломана. Да, так будет правильнее.

Если бы не Теодор, Найтири падала бы в голодный обморок прямо перед мольбертом. С постоянно голодным котом этого можно не опасаться, трёхразовое питание он контролирует как нельзя лучше. Пришлось отрываться на обед. После, чтобы опять не увлечься работой до темноты, не заходя в мастерскую, отправилась в магазин.

- Здравствуйте, дядюшка Далин, - приветствовала она хозяина лавочки.

Лемор Далин встретил её как хорошую знакомую.

- А, леморита Найтири? Рад вас видеть. Ещё что-то хотите взять?

- Да. Чистые холсты, краски. И, - здесь она неуверенно запнулась, - можно посмотреть все кисти, которые у вас есть в продаже?

Если лемор Далин и удивился, то виду не подал. Указал на витрину с кисточками и, сходя на склад, вынес оттуда ещё несколько связок. Все стандартные, ничего необычного. Жаль.

- Как продвигается работа? – заметив, что клиентка закончила с выбором, решил поинтересоваться хозяин магазина.

- Дописываю одну.

- Уже дописываете?

- И две картины уже готовы. Сохнут. Я же могу их выставить у вас?

Кажется, мнение дядюшки Далина о Найтири заметно изменилось к худшему. Ну что можно написать за несколько дней? Детскую мазню?

- Приносите, как высохнут, - без прежнего энтузиазма сообщил он, - где-нибудь разместим.

На этом они и расстались. Договорившись о доставке десятка холстов, Найтири вышла из магазина. Стоило пройтись до дома пешком и поискать {особые} кисти в других магазинах.

Чего только ей не предлагали. Просто белка, северная и пустынная белка, колонок, кабан и коза. Да, были хорошие и качественные кисти, несколько Найтири всё же купила, но всё не то. На вопрос, что же она ищет, лишь пожимала плечами. И как объяснить, что сама не знает, что. Продавцы мысленно крутили пальцем у виска и пытались всучить то, что у них имелось.

Уже вечером прибыли холсты. И доставил их сам лемор Далин. Найтири встретила его, как была, в рабочей одежде и с запачканными краской пальцами.

- Так поздно, а вы работаете?

- Да, как-то так получилось. Зашла после ужина в мастерскую навести порядок и вот, увлеклась, - зачем-то принялась оправдываться она.

- Куда нести холсты?

Десяток холстов – не такая уж и большая тяжесть, тем более перенести их можно и поодиночке. Но, как каждому художнику, Найтири так захотелось, чтобы её картины увидел кто-то кроме неё самой и кота.

- Если вас не затруднит – в мастерскую.

Лемор Далин крякнул, поудобнее обхватывая рулон с холстами и направился следом за хозяйкой.

- Вот здесь я и работаю, - успела сказать она и вздрогнула от раздавшегося грохота.

- Выпали, - растерянно произнёс дядюшка Далин. Впрочем, судя по его взгляду, про выпавшие холсты он тут же забыл. – Это вы написали?

Словно замороженный, он подошёл к «Скалам», принялся, удостоверившись, что краска совсем свежая, поднёс руку, едва-едва коснулся полотна и испуганно отёрнул.

- Да, я. Что-то не так?

- Я такого ещё не видел.

И как тут понять, похвалил или что? Найтири глянула на кресло, в котором обычно возлежал Теодор, чтобы получить у него поддержку, как уже привыкла. Кота на месте не было.

- Это, это... такое нельзя продавать в моём магазинчике!

Ну вот, теперь придётся искать какую-нибудь другую галерею, где можно будет выставить свои работы. Но Найтири точно знала, они неплохи. Да что неплохи, именно эти Скалы великолепны!

Меж тем лемор Далин продолжил:

- Ко мне очень редко заходят покупатели со столь толстыми кошельками, чтобы купить подобное. Но, если позволите, конечно, я сообщу истинным ценителям о появлении в нашей среде нового таланта. Ваши работы, если они будут столь же хороши, - намётанный взгляд заметил и «Весенний лес» и ту картину, что была на мольберте, - они будут продаваться только с аукциона. Эту, - он указал на «Лес», - я, с вашего позволения, выставлю у себя за три тысячи лекудо. О стоимости этих двух, - последовал кивок в сторону «Скал» и недописанной, - я даже судить не берусь. Тут уж как с покупателем повезёт. Может и до сотни дойти.

- Сотни лекудо? – голос Найтири сорвался. Сотня лекудо – это всё же маловато.

Она не совсем понимала, что ей говорил этот мужчина. Три тысячи за «Весенний лес», который сама считала посредственной мазнёй и всего сотню за то, во что вложила душу?! Кажется, у них с лемором Далином разные понятия о ценностях в искусстве.

- Сотни тысяч.

Стоило задуматься, сколько же комиссионных брала себе леморита Элина с продажи её картин, если Найтири в лучшем случае доставалось сотни три лекудо?

- Сто тысяч лекудо, - сил хватило только на то, чтобы механически кивнуть.

Пусть не сто, а только пятьдесят или двадцать тысяч за картину, это же целое состояние! Всего за день работы. Правда, картина, написанная всего за день, это личный рекорд Найтири.

- Хотите кофе?

Пожалуй, тут можно и чего-нибудь покрепче, но так как раньше никогда не пила, то и алкоголя в её доме не было.

- Сочту за честь, - лемор Далин галантно подал девушке руку.

К кофе хорошо пошли сдобные булочки, купленные утром в ближайшей пекарне. Разговор тёк неспешно. К счастью для Найтири, дядюшка Далин не стал расспрашивать о прошлом. Он лишь спросил, кто же учил её живописи и, чутко уловив нежелание отвечать, к этой теме больше не возвращался. Рассказал о себе, о том, что в молодости мечтал стать великим художником, но со временем понял, что великим ему не стать, и открыл свой магазин и, чуть позже, галерею, где почти каждый желающий мог выставить свои работы.

Хорошо вот так сидеть и беседовать о том, что интересно. Раньше такие посиделки они устраивали с леморитой Элиной. Как же она не вовремя вспомнилась. Настроение сразу упало, что не осталось незамеченным чутким собеседником.

- Что-то я засиделся у вас, - гость поднялся. – Пора и честь знать.

Найтири не стала задерживать. Они договорились, что лемор Далин возьмёт на себя не только продажу картин, но и все хлопоты по их подготовке. Доставку и оформление в рамы.

Что-то всё слишком хорошо складывается. Не привыкла Найтири к такому. Как правило, тёмная полоса в жизни всегда намного шире светлой. Пора ждать какую-нибудь гадость. Картины не найдут признания или объявятся опекуны? Так сразу и не поймёшь, что же хуже.

Ещё и Теодор выказал своё недовольство, что за стол уселись без него. Как будто кто-то виноват в том, что он исчез.

А вот и гадость. Вчера, выйдя встречать гостя, оставила кисть на палитре, и сегодня она там лежала заскорузлая и негодная к работе. Любую другую уже выбросила бы, но ведь это её счастливая кисть! Можно, конечно, поддержать её в масле, но прежней точности мазков уже не будет. Что ж, кисти не вечны, это Найтири знала прекрасно, писала как-то же раньше.

Величественный лес закончила через неделю. К этому времени обе предыдущие картины достаточно подсохли, и лемор Далин лично прибыл за ними, чтобы забрать на продажу. Договорился, что «Лес» тоже будет реализовывать он, и отбыл восвояси.

- Ну что, Лес закончен, ставь на него свою подпись, - обратилась Найтири к Теодору.

Кот прикинулся обычным котом и ставить подпись отказался. Мало того, когда Найтири попыталась насильно поставить его автограф на законченном произведении, вырвался, чувствительно её поцарапав, и, проворчав на своём кошачьем что-то нелицеприятное в адрес бесцеремонной хозяйки, гордо задрал хвост и удалился.

- Тоже мне, а ещё соавтор! – крикнула ему вслед.

И кому когда-нибудь удавалось отыскать совесть у котов? То-то и оно. Проще найти бесхозный слиток золота посреди многолюдной базарной площади. Ну да ладно. Если уж выбрала новую подпись, она на картине будет. Или Найтири не художник? Жёлтый отпечаток кошачьей лапы, идентичный натуральному, занял своё место в правом нижнем углу. Уф, всё. Ещё одна картина закончена. Можно начинать другую. Как узнавала, хозяин домика, в котором жила, совсем не против его продать по окончании срока аренды. К этому времени нужно заработать эти деньги.

Глава 7

Вроде бы деньги, выплаченные лемором Далином за картины, были не первыми заработанными Найтири, но {такие} она получала впервые. Две тысячи семьсот лекудо за Весенний лес и шестьдесят тысяч за Скалы. Шестьдесят тысяч, с ума сойти! А в голове ещё столько сюжетов. Большею частью это были пейзажи, но с недавних пор стали появляться и поселения. Города, небольшие аккуратные деревеньки и даже замок. Написать хотелось всё сразу. Только вот вдохновение куда-то ушло.

Такое бывает после завершения большого труда. Можно позволить себе небольшой перерыв в неделю или две. Голодная смерть на улице Найтири теперь точно не грозит.

Да, пожалуй, она отдохнёт от работы. Походит по выставкам и галереям. Навестит магазинчик лемора Глека, где купила ту самую кисть. И как раньше не пришло в голову это очевидное решение? Вот что значит заработалась.

На следующее утро так и сделала. Почти не удивилась, когда лемор Глек не понял, о какой особенной кисти она спрашивает. Показал все, какие были в наличии. Ничего похожего. Жаль.

Следующая неделя, потраченная не столько на хождение по выставочным залам, сколько по магазинам и лавкам художественных принадлежностей, результата не принесла. Найтири даже в антикварные магазины заглядывала. Ничего похожего. Может, и продолжила бы поиски, но очень уж снисходительным взглядом встречал её по возвращении Теодор. Как будто он знал что-то, но не собирался признаваться. Вредный у неё всё же кот.

Хватит раскисать! Пора вспомнить, что раньше обходилась самыми обычными кистями.

Утром сразу после завтрака очередной холст был натянут на подрамник. Главное, начать, а вдохновение обязательно придёт, как это оно делало раньше.

Три месяца и четыре пейзажа. Найтири заметили в кругах художников и коллекционеров. Её хвалили. Ей восхищались. Лемор Далин, получивший эксклюзивное право быть её агентом и представителем, едва ли не сдувал пылинки и по первому намёку лично тащил преуспевающей художнице все требуемые материалы. Кроме той самой кисти.

- И что ты так ухмыляешься?! – спросила Найтири у развалившегося на постели Теодора, когда, запустив руку в густую шерсть, привычно пожаловалась ему на безуспешные поиски. – Да, ищу кисточку, сама не знаю из какого меха. Из голубого? Вот вырежу из твоего хвоста, будешь знать! – безумная мысль подбросила её с постели. – Из твоего хвоста, говоришь? А почему бы и нет? Иначе для чего ещё ты такой пушистый. Та была голубая, а у нас будет жёлтая!

Возможно, кот не ожидал такого низкого поступка, но скрыться, как он это делал, когда чувствовал подвох или появление гостей, не успел, а потому по клочку шерсти с самого кончика хвоста и, на всякий случай, с его верхней части, удалось срезать почти без сопротивления.

Идея захватила. Найтири примерно знала, как делаются кисти, но всё равно разобрала парочку из имеющихся, чтобы использовать их как образец, и принялась за работу. Нужно бы купить клей для скрепления основания меховой части, но не до того, сейчас же вместо клея можно использовать лак.

Провозилась до позднего вечера, но первая кисть была готова.

- Завтра начинаем новую картину! – торжественно объявила она Теодору и с чувством выполненного долга отправилась спать. Кот не стал спорить и, против своего обычновения, обиды долго не держал и охотно составил компанию.

Незаконченная работа отложена в сторону. Новая кисть – для новой картины. Найтири уже знает, что это будет. Опять лес, только на этот раз основой композиции будет окружённое тем самым лесом озеро. Оно уже освободилось ото льда, но не успело разомлеть под жгучими солнечными лучами. Трава ещё не выросла настолько, чтобы прикрыть остатки поваленных

деревьев, но это не мешало первым цветам радостно приветствовать ласковое весеннее солнце. Далёкие горы, что привычно подёрнулись сизой туманной дымкой, почти полностью укрыты снегом. Возможно, это те же скалы, которые уже писала. Нет, не понять. Если и те же, то совсем с другого расстояния и ракурса. Да и так ли это важно. Важно перенести на холст то, что так явно возникло в голове.

Понадобилось всего два дня, чтобы закончить картину. Если бы не Теодор, бдительно следивший за режимом – как своим, так и хозяйским, – забывала бы и про еду, и про сон.

- Как тебе? – поинтересовалась у своего самого придирчивого критика.

Ответом было прикосновение кошачьей лапы к правому нижнему углу полотна. Второй раз за всё время. От жёлтого кошачьего отпечатка по картине как будто прошла волна.

Найтири тряхнула головой. Привидится же такое. Напряжённое плодотворное творчество – это прекрасно. И ничего, что зарябило в глазах. Вот уже и восстановилось всё. Теперь можно и отдохнуть.

Вторым зрителем и критиком стал лемор Далин. Внешне добродушный хозяин магазинчика и галереи весьма плотно опекал Найтири и её картины. Взял на себя хлопоты по доставке расходных материалов для работы, нанял женщину, которая приходила, чтобы приготовить еду для увлекающейся работой художницы и прибираться в доме. Решил вопрос с покупкой этого домика. Найтири оставалось только рисовать. Рисовать и приносить ему, как агенту, ощутимый доход.

Чисто деловые отношения. Всех всё устраивало. Главное, дядюшка Далин не пытался выведать подноготную и залезть в душу. Это тоже многого стоило.

- За два дня закончила картину? И опять шедевр, - пришедший на следующее утро лемор Далин поднялся в студию и замер перед полотном. – Я даже знаю, кому его предложить! Тот покупатель забрал Скалы. Обещал заплатить за что-то подобное любые деньги, - мужчина довольно потёр руки. – Думаю, запросим полторы сотни лекудо. Как считаешь, нормально? Тысяч, конечно, - добавил он, заметив растерянность девушки.

Сто пятьдесят тысяч лекудо за картину, даже за вычетом комиссионных лемора Далина, представлялись с большим трудом. Опекуны, конечно, никогда не отчитывались перед воспитанницей о своих доходах, но о том, что денег едва хватает, она слышала постоянно. Как-то Фенгар за одну ночь проиграл почти три тысячи лекудо, и потом всей семье пришлось перебраться в деревню, где целый месяц питались одними овощами и иногда яйцами, а милый Фенгарчик тот же месяц был вынужден провести с ними, так как денег ему никто не давал, их попросту не было. Вся семейка в сборе. В деревне, где нет никаких развлечений и светской жизни. Один из самых ужасных месяцев в жизни Найтири.

- Продавайте, - Найтири слабо улыбнулась.

Вот ведь что странно, писала картины для продажи, но расставаться жаль. Ну да ничего. Талант при ней, глаза и руки – тоже. Да и источник счастливых кистей находится рядом. Напишет ещё!

И опять по завершении работы решила взять небольшой перерыв. Нет, Найтири подходила на час-полтора в день к той картине, что отложила, взявшись за Озеро, но это не шло ни в какое сравнение с прежним азартом.

Неспешные прогулки по городским паркам и галереям настраивали на правильный лад. В душе воцарялся покой. Уже и сама стала верить, что получилось начать новую жизнь. Похоже, опекуны и правда решили махнуть на неё рукой. Чему удивляться, сама по себе для Эланести Найтири не представляла никакой ценности. Пособие от государства по-прежнему оставалось в их распоряжении. Знакомым сообщили, что отправили болезненную воспитанницу на воды.

Приличия соблюдены. Все довольны. Вряд ли им суждено встретиться, уж в слишком разных кругах вращаются.

Вот и этот день начался прекрасно. Погожий осенний денёк настойчиво манил на прогулку, намекая, что совсем скоро эта золотая благодать закончится и город накроется тоскливой серой хмарью. Истинный художник и в ней найдёт свою красоту, но, как обычному человеку, такую погоду сложно полюбить.

Найтири насобирала в парке букетик ярких осенних листьев и неспешно возвращалась домой. Нужно бы закончить картину, но уже давно заметила, если нет вдохновения, то не нужно истязать ни себя, ни ни в чём неповинный холст. Лемор Далин, нужно отдать ему должное, никогда не торопил. Да и, стоит признать, по сравнению с другими художниками, писала Найтири очень быстро.

Уже по тому, что у входных дверей её встречал не Теодор, а лемора Марта, приходящая кухарка и по совместительству горничная, можно было понять, что что-то случилось. И это что-то Найтири вряд ли понравится.

- Там вас ожидает ваша матушка, - словно извиняясь, сообщила служанка.

Матушка. Так называла себя лемора Эланести, когда хотела перед кем-то высказать своё расположение к воспитаннице. Вот уж кого не ожидала, да и меньше всего хотела увидеть Найтири. Первым порывом было развернуться и убежать. Так бы и сделала, но несколько мгновений, что простояла в ступоре, пытаясь убедить себя, что ослышалась или не так поняла, сыграли злую шутку.

Лемора Эланести, прекрасно зная свою подопечную, решительно пресекла эту попытку, собственной персоной выплыв из гостиной.

- Дороти! Милая моя девочка! Наконец-то ты нашлась!

Как много экспрессии и фальшивой радости в её словах. Осознав, что бежать поздно, Найтири прошла в комнату. Заодно и узнает, перед кем же опекунша так заливается. Не перед кухаркой же. Слуг достопочтенная лемора ни во что не ставила.

Гостиная была пустой. И что бы это значило? Кто же у нас зритель в этом театре одного актёра?

Всё так же молча прошла к креслу, села в него и, не предлагая непрошенной гостье сделать то же самое, молча воззрилась на неё.

Лемора Эланести не подвела. Она величаво велела служанке принести им чай и заняла кресло напротив.

- Бедная моя девочка, - сразу пошла в атаку незваная гостья. – Что же тебе пришлось пережить! Одна, без родных. Это ужасно! – к сухим глазам ожидаемо метнулся батистовый платочек.

Однако, пусть актриса и плохая, но как старается! Найтири устроилась поудобнее, предлагая продолжить представление.

Служанка принесла поднос с чаем и печеньем и замерла, ожидая распоряжений.

- Можете быть свободны, - небрежно махнула рукой лемора Эланести.

Нужно отдать должное леморе Марте, та осталась на месте, ожидая распоряжения от хозяйки.

- Далин, - одними губами сообщила ей Найтири, отпуская, и повернулась к гостье, давая понять, что готова её слушать.

Привычное выражения раздражения и злобы неохотно исчезло с лица опекунши. Она пожевала губами, отпила чай из чашки и откусила печенью. Поморщилась, кивнула сама себе, словно обрадовавшись, что нашла повод для выказывания недовольства, но, как приличная лемора, ни за что не будет говорить, что чужая кухарка готовит плохо.

Найтири отпила чай и съела печенью. Очень, кстати, вкусное, на настоящем коровьем масле, не то что у некоторых. Что-то доказывать и тем более спорить она не будет. Скоро дол-

жен прийти лемор Далин, за которым отправилась лемора Марта. Он обязательно что-нибудь придумает, чтобы опекуны не могли протянуть к его источнику дохода свои жадные ручки. Нужно лишь дождаться его прихода.

Лемора Эланести и не ожидала от воспитанницы особой разговорчивости, а потому дамочка решительно подняла подбородок и продолжила:

- Бедная наша девочка, - И опять промокнула глаза платочком. Да сколько можно-то! За всё время, что Найтири прожила в их доме, её столько не жалели. – Кто же знал, что здесь замешана любовь. Чуткое материнское сердце не может не откликнуться!

Любовь?! Чуткое материнское сердце? Это вообще сейчас про что? Брови девушки в изумлении взлетели вверх.

- Да-да. Фенгар мне во всём признался. У вас любовь! – Нет, ну если раньше Найтири молчала из принципа, то сейчас просто онемела. К счастью или к сожалению, тут уж как посмотреть, опекунше её реплики не требовались. – Любовь, это единственное чувство, которому нипочём все преграды и условности. Она преодолет всё! – ой-ой-ой, сколько пафоса! Кивнув головой так, что даже хрустнуло в шее, лемора Эланести перешла к главному: – Мой сын тебя опорочил и готов жениться!

Тут бы можно и опустить занавес, чтобы актёры попили водички, а зрители могли прийти в себя.

Водички не было, опекунша успешно заменила её глотком чая. К сожалению, занавес, за которым Найтири могла бы прийти в себя, заменить было нечем.

Дверь в гостиную приоткрылась и появилась жёлтая кошачья морда. Теодор вальяжно прошёл к Найтири и, запрыгнув к ней на колени, удобно там устроился и начал громко мурчать. Тоже хорошее успокоительное.

- Милый котик. И ты здесь? – похоже, представление продолжилось. – Такой проказник! – лемора Эланести погрозила ему пальчиком и печально вздохнула. – Как жаль, что у Фенгарчика аллергия на таких милых созданий. Ну да ничего, в деревне тебе будет намного лучше.

Пожалуй, пора вмешаться.

- Подождите-подождите, - прервала Найтири готовую продолжить выступление опекуншу. – Что-то я ничего не понимаю. Какая деревня? Какая любовь? И при чём здесь ваш сын со своей аллергией?!

- Ну как же, - воспитаннице достался один из самых снисходительных взглядов. – Мой сын мне во всём признался. Что у вас любовь, что он не единожды оставался ночевать в твоей комнате, и что об этом осведомлены все ваши друзья, – вот ещё! Только общих с Фенгаром друзей Найтири не хватало. Впрочем, предыдущие слова про совместные ночёвки были ещё большей чушью. – И пусть у вас случилась небольшая размолвка из-за этого невоспитанного кота, Фенгар готов отвечать за свои поступки и, как положено порядочному мужчине, прикрыть твой позор и жениться.

Нет, ну сколько не проживи с этой лицемеркой, на достойном её уровне никогда не сможешь держаться. Это же надо до такого додуматься!

- Жениться? – ещё никогда Найтири не была так рада появлению лемора Далина. Даже когда он приносил ей огромные деньги. Мигом оценив обстановку, а может, и подслушав часть разговора, он продолжил: - Дорогая, эта лемора хочет присутствовать на нашей свадьбе? – он склонился к девушке и коснулся её щеки прохладными с улицы губами.

Удивиться больше, чем есть, уже нельзя, и Найтири лишь кивнула головой в ответ.

- На чьей свадьбе?! – однако, сколько ещё энергии в этой уже вроде бы немолодой женщине, вон как подскочила с кресла.

- На нашей, - спокойно ответил лемор Далин, по-хозяйски устраиваясь на подлокотнике кресла Найтири и приобнимая девушку за плечи. А она что, она ничего. Сидит. Гладит Теодора.

- Не бывать этому! – о, а вот и привычные визгливые нотки прорезались. – Найтири наша дочь. И я не позволю...

- Вы позволите своему сыну жениться на вашей дочери? – лемор Далин старательно свёл брови, размышляя над услышанным.

- Дороти наша приёмная дочь. Подопечная, присмотр за которой доверило нам государство. Так что кровного родства у нас нет. И потом, дети сами отметили этот вопрос, как несущественный, когда отдали друг другу свою невинность.

Нет, ну надо же так завернуть! Невинность свою ей Фенгарчик отдал.

- Зачем вы лжёте?! – дальше выносить этот бред Найтири была не в состоянии. – Чтобы я, да с Фенгаром... Да он мне и даром не нужен!

- Зато этим людям очень нужны деньги, которые ты зарабатываешь, - незамысловатый ответ расставил всё по своим местам.

Ну конечно деньги! Могла бы и сама догадаться, если бы не была в таком шоке от появления опекуниши и её последующих заявлений.

- Да как вы смеете такое говорить! Хам! Аферист! Сам собрался прибрать к рукам деньги нашей девочки? Не выйдет! – лемора Эланести грозно поводила из стороны в сторону указательным пальцем. – Я этого так не оставлю! Вы ещё пожалеете. Мы её опекуны! И девочка тоже наша!

- Вместе с её деньгами, - дополнил недосказанное лемор Далин.

Опекунша подскочила к Найтири и той показалось, что злобная фурия сейчас схватит её за руку, как не единожды проделывала это раньше, и утащит за собой. Спокойно дремавший на коленях Теодор приподнял голову и, обнажив немалые клыки, грозно зашипел.

Похоже, в памяти леморы Эланести ещё были достаточно свежи воспоминания о ранах бедного Фенгарчика, полученных тем в бесславном бою. Женщина тряхнула головой, то ли опровергая, то ли подтверждая сказанное про деньги, фыркнула, как заправская лошадь, и выскочила из комнаты, громко хлопнув дверью, как же без этого.

- Некрасиво получилось. Вы уж извините, что втянула в семейные разборки, - только и смогла вымолвить Найтири, успокаивающе поглаживая Теодора и стараясь успокоиться сама.

- То есть, какая-то часть из того, что она сказала, правда? – лемор Далин поднялся с подлокотника кресла, на котором так и сидел до ухода неприятной гостьи, и отошёл к окну.

Как же не хотелось ни вспоминать своё прошлое, ни делиться им с кем бы то ни было. Но что поделаться, как грязное бельё не прячь, а запах со временем выдаст. Придётся рассказать.

Найтири поднялась и вышла на кухню за порцией свежего чая. Уже вернувшись в гостиную и разлив его по чашкам, вспомнила, что давно пора обедать. Заодно и время будет обдумать всё случившееся.

- Что-то я сегодня не очень гостеприимна, - признала она. – Судя по запаху, Марта приготовила что-то необыкновенно вкусное. Пообедаем?

- С удовольствием! – лемор Далин никогда не отказывался от неформального общения с девушкой.

За столом по молчаливому обоюдному согласию неудобной темы не касались. Не хватало ещё портить аппетит не самыми приятными воспоминаниями. Но и откладывать разговор не имело смысла.

Закончив с едой, Найтири вновь устроилась в кресле и, набрав в грудь побольше воздуха, словно набираясь решимости, заговорила.

- Как вы уже поняли, я приёмная. В возрасте примерно трёх лет меня нашли Эланести. Они ехали в экипаже, а я просто шла по просёлочной дороге. По рассказам леморы Эланести, имевшей к тому времени уже троих сыновей, ей очень хотелось дочку, и меня, мол, им сам бог послал. Сообщили куда следует, оформили опекунство и все полагающиеся на меня выплаты.

С тех пор я жила у них. Ни на один день мне не позволяли забыть, что я – бедная сиротка, пригретая из жалости. Не буду вдаваться в подробности той моей жизни, скажу лишь, что выгнала меня лемора Эланести после того как Теодор здорово подрал их младшенького сына, того самого Фенгара.

- За дело подрал? – это был не вопрос, а скорее, уточнение.

- Фенгар напал на меня пьяный и... повалил на пол прямо в коридоре. Теодор вступился за меня. Крики, вопли. Именно этот момент выбрала лемора Эланести, чтобы вернуться. Обвинила во всём меня. Накричала и выгнала, - вспоминать тот эпизод было тяжело, но лучше уж сразу покончить с неприятными воспоминаниями и рассказать, что же может ждать дальше. – Фактически Эланести являются моими опекунами до достижения мной двадцати одного года.

- Или до замужества.

- Или до замужества, - согласилась Найтири. – Да и оставайся они с теми опекунами деньгами, я согласна! Я даже имя поменяла. Думала, что не то чтобы хорошо спряталась, но ведь сама им не нужна, нужны деньги, что платит на таких подопечных государство. Эланести продолжили их получать, сказав знакомым, что отправили меня на воды на лечение. Все были довольны.

- До тех пор, пока до них не дошли слухи, сколько ты теперь зарабатываешь.

- Похоже, что так, - Найтири поникла, прекрасно осознавая открывавшиеся перспективы.

Эланести не отстанут. Фенгарчика нужно пристраивать. А тут такой бездонный источник доходов для их разгильдяя.

- Примерно так я и понял, подслушав часть вашего разговора с этой неприятной леморой. Ты уж извини за мой маленький спектакль, но это единственное, что мне пришло в голову. Сама понимаешь, твой единственный выход из этой ситуации – замужество.

К облегчению Найтири, лемор Далин не стал предлагать себя в качестве мужа. Хотя можно было догадаться, что он согласен пойти на такой шаг. Его выгоду можно было увидеть сразу. Богатая и молодая жена, даже если и без особой любви, но ведь мечта же. Выгода Найтири была, но... какая-то сиюминутная. Нужно протянуть чуть больше года, и никакие опекуны не смогут распорядиться её жизнью. Но как протянуть это время? Опять бежать? Люди, гонящиеся за источником дохода, могут быть очень настойчивыми. Тем более формально закон на их стороне.

- Я собственно, что к тебе зашёл, - заметив нежелание собеседницы дальше продолжать этот разговор, сменил тему лемор Далин. – Тот коллекционер, который купил твои Скалы и Озеро, он очень просил о встрече с тобой. В любое удобное для тебя время.

Встретаться неизвестно с кем неизвестно для каких его прихотей Найтири не хотелось, не до встреч ей сейчас. Даже не успела сформулировать вежливый ответ, как лемор Далин продолжил:

- Он далеко не последний человек в стране. Вдруг чем-то поможет. Хотя бы переоформить опеку на других людей.

Переоформить опеку? Этот вариант в голову не приходил. А ведь, наверное, и такая вероятность есть. Если опекуны могут отказаться от подопечного, значит, и у него должно быть право отказаться от опекунов.

- Хорошо, я поговорю с ним. Пусть приходит.

- Он просил, чтобы вы пришли к нему, - опять перешёл на Вы. Лемор Далин всегда чётко делил работу и личное.

Ну вот как знала! В большинстве своём люди, не жалеющие отдать за картину просто огромные деньги, – странные люди. Да и вообще, привыкли считать, что за их деньги весь мир должен быть у их ног.

- Он инвалид. Передвигается только на коляске, - предвидя возражения, продолжил мужчина.

И это не должно быть особой проблемой для «не последнего в стране человека». Ещё вчера бы Найтири отказалась, но сегодня получилось так, что она должна хвататься за любую возможность отвязаться от алчных опекунов и особенно их противного сына.

- Хорошо, я согласна отправиться к нему. Когда?

- Он сказал, что будет ждать в любое удобное для вас время.

Даже так? Заинтересовал, однако.

Можно бы отложить визит на завтра, но, судя по виду леморы Эланести, дамочка настроена очень решительно. Ради тех денег, что теперь зарабатывает Найтири, пойти можно и на ночное нападение. Фенгар способен на многое. При достаточной подготовке и Теодор не сможет помочь.

- Думаю, откладывать не стоит. Мы можем отправиться прямо сейчас? – поинтересовалась Найтири и поднялась.

- Будем считать, что он и правда готов вас принять в любое время.

- Я только соберусь! – сообщила она и быстро вышла из гостиной.

Даже если встретиться с тем коллекционером не получится, ночевать дома Найтири не будет, очень уж нехорошие предчувствия зашевелились в душе.

Смена белья, расчёска и зубная щётка. Кошелёк с деньгами. Наличные стоит прихватить все. Не хватало ещё, чтобы Фенгарчик, если посмеет явиться в её дом, их прикарманил. Пусть сам зарабатывает.

У выхода подждал Теодор. И его тоже придётся взять с собой, не хотелось бы, чтобы кот повстречался ночью здесь с Фенгаром, уж тот точно не пожалеет своего давнего обидчика. Осталось предупредить лемору Марту, чтобы добрая женщина, придя завтра утром, не беспокоилась, если хозяйки не будет дома.

Лемор Далин понял всё без слов. Теодору тоже ничего не пришлось объяснять. Иногда создаётся впечатление, что разумность этого кота превосходит разумность некоторых человеческих особей. Польза уж точно превосходит.

Глава 8

Наёмный экипаж долго катил по городским улочкам. Ещё бы, художественный квартал и место, где жил коллекционер, находились в противоположных концах города. Элитный район, скорее пригород, где вольготно расположились огромные фамильные особняки, даже уже не просто особняки, а настоящие поместья с огромными прилегающими территориями. Только сейчас до Найтири дошло, как высоко ценятся её полотна. Да чтобы картина попала за стены такого дома, её автор как минимум должен быть мёртв. И чем больше столетий он мёртв, тем больше шансов у его детища висеть в этих стенах.

У ажурных чугунных ворот их встретил самый настоящий привратник. Стоило лемору Далину назвать своё имя и имя Найтири, как ворота гостеприимно распахнулись. Похоже, гостей и правда ждали.

И чего робеть? Дом как дом, только большой. И дворецкий, что вышел на крыльцо их встречать, вовсе не думает про них плохо. Судя по застывшему лицу, он умудряется вообще не думать. Подумаешь, из наёмного экипажа вышли не разодетые в пух и прах гости, а обычный лавочник, профессию которого можно было разгадать, не напрягаясь, и молодая девушка. Ах, ну да, ещё кот. Жёлтый с чёрными глазами. Ну и что? Все ведут себя прилично. Не гадят, мебель не дерут. Да даже если и драть будут, значит, так надо. Хозяину лучше знать, кого приглашать, а судя по распоряжению, эти гости особо желанные.

Зайдя в дом, Найтири огляделась. Да, это вам не упрощённая функциональность её съёмного жилища, и не попытка пустить пыль в глаза блестящими статуэтками и вычурными шторами, как у Эланести. Это просто другой уровень. И да, как она и предполагала, висящие на стенах холла картины насчитывали не одну сотню лет истории.

Только пройдя за сопровождающим к двери, за которой, судя по всему, и ждал их хозяин дома, вспомнила, что так и не поинтересовалась у лемора Далина, как же того звать.

Дворецкий почтительно постучал в дверь.

- Войди, Эдгар, - даже не увидев того, кто сказал эти слова, можно было понять, что хозяин голоса привык повелевать.

- К вам с визитом леморита Найтири Эланести и лемор Далин Скерцо.

Двустворчатые двери распахнулись, давая возможность гостям пройти в комнату.

- Леморита Найтири Эланести и лемор Далин Скерцо, - ещё раз, но уже торжественно, как на самом высоком приёме объявил дворецкий.

Захотелось добавить: «С котом Теодором», ибо Теодор, важно задрав хвост, вышагивал рядом. Интересно, это только Найтири показалось, что кот здесь более уместен, чем она с дядюшкой Далином?

Хозяин кабинета сидел за массивным столом тёмного дерева. Его пытливые глаза внимательно изучали девушку.

- Леморита Эланести, - приветствуя гостью, он чуть склонил голову.

Не пожелал встать или не может? Скорее, последнее. Да, даже отсюда видны колёса на кресле, в котором он сидел.

- Леморита Найтири, - поправила его Найтири. Не хотелось лишний раз слышать ненавистную фамилию.

- Меня можете звать лем Тэмбидж.

Ого! Сам герцог Тэмбидж. Найтири особо не интересовалась жизнью высшего света, но лемора Эланести с подругами частенько перемывали кости его небожителям. Что-то было такое, связанное с фамилией Тэмбиджей. Какой-то скандал с его сыном. То ли тот уехал куда-то к дикарям, то ли опорочил королевскую дочь и его тайно казнили, когда отказался жениться, а может, сбежал с прачкой. Как правило, слухи, ходившие о высших семействах королевства,

так быстро обрастали самыми невероятными подробностями, что верить им не стоило. Пожалуй, уместно будет просто улыбнуться и предоставить слово хозяину дома. В конце концов, пригласил же он её зачем-то.

Пока же можно оглядеться. Привлекла Найтири не дорогая мебель, не корешки, надо полагать очень редких и очень умных книг, размещённых в нескольких массивных шкафах, и точно не роскошный ковёр и не камин на полстены. Взгляд прикипел к картинам. Три картины. Три пейзажа. Две были знакомыми. Её Грот и Озеро. Третья. На третьей было изображено то же самое озеро, даже то же самое место! Но... другое.

Забыв и про то, где находится, и про своего спутника вместе с хозяином кабинета, Найтири подошла к незнакомой картине. На полотне Найтири была весна, здесь же царствовало позднее лето или совсем ранняя осень. Некоторые деревья намного моложе, некоторых и вовсе нет, на их месте возвышаются другие, а вот тот великан на картине Найтири – просто поваленный ствол. Почти всё другое. Но место определённо то же! Лес и озеро могли измениться, но не горы вдаль. Если только снега на этих меньше. Так оно и понятно, лето его не пощадило. И, самое главное, этой картине никак не меньше пары сотен лет, а то и больше. Той самой пары сотен, на которые был старше изображённый неизвестным предшественником лес.

Нет, самое главное не это. Главный сюрприз, просто ошеломляющий, поджидал в правом нижнем углу. Там, где должна стоять подпись художника. Небольшая четырёхпалая синяя лапа.

И чтобы это всё значило? Найтири хотят обвинить в плагиате?!

Медленно развернулась и, по-прежнему не говоря ни слова, стала смотреть на хозяина кабинета. Неоднократно проверенная тактика – первому предоставить говорить оппоненту. Пусть сначала он выдаст свои обвинения или что он там имеет к ней.

- Полагаю, нам есть о чём поговорить, леморита? – достаточно галантно поинтересовался лем Тэмбидж. – Вы присаживайтесь, присаживайтесь! – и он указал ей на одно из кресел у камина.

Только сейчас Найтири заметила, что лемора Далина в комнате нет.

- А где лемор Далин? – перебивать старших невежливо, но куда мог исчезнуть её сопровождающий?

- Он ушёл, - мягко, словно боялся спугнуть, ответил герцог. – Вы так увлеклись картиной, что не заметили, как лемор с вами попрощался.

А ведь и правда, было что-то такое. Кажется, Найтири даже ответила тогда. Или просто кивнула.

- Я не сделаю вам ничего плохого, - заверил хозяин кабинета. – Я... хочу попросить у вас помощи.

То, как он это сказал, показало, насколько этот человек не привык просить кого-то о помощи. Даже в своём положении.

Не похож он на того, кто ест молоденьких девушек на ужин. Найтири прошла к креслу и села в него, показательно сложив руки на коленях. Само внимание. Долго рукам на коленях пролежать не дали, почти сразу же там по-хозяйски разместился Теодор. Вот и хорошо. Когда поглаживаешь кота, руки заняты, и пальчики почти не подрагивают. Да, может, девушек хозяин и не ест, но что-то странное в нём есть. Нужно поскорее выслушать его и уходить. Хочет сделать заказ? Пейзаж – пожалуйста. Портреты она не пишет.

- Я вас слушаю, - как можно доброжелательнее отозвалась Найтири.

- Сок, чай или, может, какао? – вспомнил о правилах гостеприимства хозяин.

Не дожидаясь ответа, он коснулся колокольчика. Почти сразу же в кабинет вошла горничная с серебряным подносом в руках, на котором, судя по всему, было всё ранее озвученное. Поставив поднос на столик перед гостьей, горничная удалилась.

Чего-нибудь попить очень хотелось. Оставалось надеяться, что в самый неподходящий момент Теодор не взбрыкнёт и не выбьет чашку из рук, мог он и такое учудить, очень уж своенравный котьяра.

Найтири налила себе чай и отпила. А вкусный чай подают у герцогов! Как неудобно получилось, не предложила хозяину. Но это не её вина, чашка была одна. Теперь уже и предлагать не стоит, а стоит, как ни в чём не бывало, ждать, пока он не сообщит, зачем же её пригласил.

- Вы уже заметили сходство этих двух картин, - озвучил лем Тэмбидж очевидное.

Отрицать было бессмысленно, и Найтири кивнула, предлагая продолжать. Герцог продолжил.

- Вот эта – вашей кисти, - Найтири и на это утверждение кивнула, - а эта, - мужчина указал на более старую картину, - кисти Салвидора.

- Самого Салвидора?! – Найтири подскочила. Пусть её сочтут невежливой деревенщиной, но она должна до последнего мазка рассмотреть работу великого мастера!

Про самого знаменитого и самого загадочного художника-пейзажиста достоверных фактов было известно катастрофически мало. Жил почти три столетия назад. Писал картины. До наших дней дошли всего несколько, и стоили они баснословно дорого. Да что дорого, можно смело утверждать, они были бесценны! И всё. Остальное было из сферы предположений и домыслов. Никто с уверенностью не мог сказать, ни когда и где он родился, ни, опять же, когда и где умер. Появился. Написал несколько картин и исчез. Может быть такое? А вот было. Ах, ну да, почитатели его таланта и просто исследователи так и не смогли с уверенностью обозначить ни одного места из тех, что он писал. Предложений и предположений было много, но ни одного достоверного.

Чашка с чаем отставлена в сторону, Теодор размещён на кресле. Найтири, получив молчаливое одобрение хозяина, подошла к картине Салвидора. Да до этой святыни даже дотронуться боязно! Сколько она любовалась шедевром, сказать не смогла бы и сама. Оторвалась не потому что насмотрелась, а потому что стало казаться, что ещё немного, и лес с озером оживут, затянут её к себе.

- Пуужинаем? – поймав её взгляд, предложил лем Тэмбидж, про которого, честно сказать, забыла напрочь.

Хотела ответить, что совсем недавно пообедала, но возмущённая трель желудка выдала, что это неправда. А правдой было то, что за окном уже темнело. И кажется, позвали Найтири совсем не за тем, чтобы похвастать бесценным шедевром. Но по каким-то причинам герцог никак не насмелится озвучить цель своего приглашения.

- С удовольствием! Только если вы предложите ужин и для Теодора.

Кот приподнял голову и мурлыкнул, подтверждая, что да, Теодор это он, и да, его тоже нужно кормить.

- Теодор, составишь нам компанию? – серьёзно поинтересовались у кота.

Как и предполагали, отказа не последовало, и они втроём отправились в столовую. Найтири и кот своими ногами, лем Тэмбидж – на самоходной коляске.

Что сказать о герцогском ужине? Определённо он был вкусным. Некоторые ингредиенты блюд даже можно узнать. Пожалуй, сейчас был как раз один из немногих моментов, когда лемора Эланести с её нудными нравоучениями вспомнилась с благодарностью. Найтири не спутала ни одной вилки или бокала. Да, у неё не было того изящества и непринуждённости, что у хозяина дома, но проблем за столом не возникло. Хотя, вот оно истинно аристократическое воспитание, даже если и спутала бы приборы или, не дай боже, уронила на стол кусок, его светлость «не заметил» бы.

К каждой перемене блюд – своё вино. Лёгкое, ненавязчивое, как будто знали, что гостья пробует его впервые. Не конкретно это, наверняка элитное и дорогущее, а вообще алкоголь.

- Вернёмся в кабинет, - предложил герцог по окончании трапезы.

Можно и в кабинет, Найтири была не против полюбоваться картиной Мастера ещё. Только вот не стоит надеяться, что позвали её только для этого.

Зайдя в кабинет, обнаружила, что все три картины сняты со своих мест и стоят в ряд на специальном столе так, чтобы их можно было обозревать с кресла, что стоит подле камина.

Устроившись в этом самом кресле, Найтири остановила взгляд на хозяине кабинета. Сколько можно тянуть, за окном уже совсем стемнело, а ей ещё гостиницу искать, где сегодня можно переночевать.

- Вы не могли бы озвучить цель приглашения? – машинально взяла протянутый бокал с чем-то тёмно-вишнёвым, почти чёрным. Сам бокал, богато инкрустированный золотом и драгоценными камнями, был произведением искусства. Такой и в руки-то брать страшно.

- Да, конечно, - лем Тэмбидж поправил угли в камине и только потом пригубил из точно такого же бокала. – Полагаю, я буду далеко не первым, кто восхищается вашим талантом, поэтому эту часть разговора мы опустим. Я... долго изучал ваши картины и сделал вывод, что горы, изображённые на них, одни и те же, просто с разных ракурсов. Вы сами бывали в этих местах? Где находятся эти горы? Я наводил справки у историков, географов и путешественников. Никто не смог сказать ничего определённого. Посоветовали поинтересоваться у автора.

Вот оно что. Значит, именно ради этого вопроса и была затеяна встреча.

Обманывать смысла не имело, хотя многие не верили, что писала Найтири не с натуры. Да ей-то что, не поверит и не поверит.

Зачем-то начала с пояснений. Очень захотелось, чтобы именно этот человек поверил.

- До недавнего времени у меня не было возможности путешествовать, потому сюжеты моих картин я беру большей частью из головы. Именно тогда они выходят наиболее естественными. Признаю сразу, именно эти две картины я сама считаю наиболее удавшимися.

Хотела добавить «И не только я», учитывая, что Теодор именно их удостоил личным автографом, но не стала. Зачем важному человеку её досужие домыслы про кота. И про кисть промолчала. Клиентам, как правило, всё равно, какими кистями написаны приобретённые ими полотна.

- Значит, из головы. А как вы объясните вот это? – и он указал на что-то блестящее на картине Найтири. Той, сюжет которой был схож с сюжетом полотна Салвидора.

- Это? А что это?

Наверное, вопрос прозвучал глупо. Ещё бы, спрашивать у покупателя, а что же она, собственно, тут изобразила.

- А вы присмотритесь, присмотритесь, - и ни доли сарказма в словах. Воспитание или ему и правда важно?

Найтири отставила бокал на столик, поднялась, взяла со стола светильник и подойдя вплотную к своей картине, стала рассматривать блестящий предмет, что лежал у поваленного ствола и уже почти скрылся в подростшей траве. Пока писала и потом, когда в целом обозревала полотно, думала, что это такой камушек. Сейчас же. Приблизилась, присмотрелась. Отошла и посмотрела ещё. Медленно повернула голову к столику, на котором оставила бокал с недопитым вином. Взяла его в руки, отхлебнула. Перевела несколько раз взгляд с бокала на картину и обратно, допила то, что осталось и только потом сказала:

- Этого не может быть...

- И тем не менее это есть.

В несмелой поросли молодой весенней травы скрывался осколок точно такого же бокала, из которого она только что пила. Виднелся совсем небольшой кусочек, но узор золотой инкрустации спутать невозможно.

- Я не знаю, как такое возможно. До сего момента я думала, что это необычный камушек. Писала на вдохновении, не задумываясь. Да и не видела я раньше таких бокалов!

Кажется, Найтири оправдывалась. Как будто её обвинили в краже этого самого бокала. Даже на Теодора оглянулась, ища у него поддержки. Кот, как и все приличные коты, был сама невозмутимость. Уж он-то всё знает, но ведь его никто не спрашивает. Да даже если сказал бы, не понимают эти ущербные кошачьего языка.

- Я вас ни в чём не обвиняю, - поспешил успокоить гостью лем Тэмбидж. – С вашего позволения, я продолжу. Правда, мне хотелось бы, чтобы последующий разговор остался между нами.

Выражая общую с хозяйкой эмоцию, Теодор громко фыркнул. Вот ещё, не с кем им чужими секретами делиться! Да и незачем. Его светлость понял всё правильно и начал свой рассказ.

- Чуть больше года назад у меня пропал сын Дерог, маркиз Шелтирон. И пропал он в этом кабинете.

Только выработавшаяся за долгие годы привычка молчать, когда не спрашивают, позволила Найтири не произнести ни слова при этом заявлении. Она-то здесь при чём?! Похоже, от неё пока и не ждали реплик.

- В тот день я точно знал, что Дерог находится здесь, но когда зашёл в кабинет, его не было. А эта самая картина, - он указал на полотно Салвидора, - стояла на полу и на ней затихали круги. Как на воде. Словно в неё бросили камень. Вместе с маркизом исчез и один бокал из набора. И вот этот самый бокал обнаруживается на вашей картине, которая изображает то же самое место, только с поправкой на время и с осколками бокала. Итак, повторю вопрос, вы знаете, где может находиться это место? Хотя бы приблизительно?

Сейчас перед Найтири был не могущественный герцог – один из богатейших людей королевства. Сейчас перед ней сидел отец, потерявший единственного сына.

- Я очень хотела бы помочь! – Найтири не кривила душой. – Но я сказала правду. Сюжет полностью взят из головы.

- Мряу, – привлёк к себе внимание Теодор. И, когда от него отмахнулись, ещё раз, но уже требовательнее: - Мря-яу!

- Теодор, веди себя прилично! – попыталась урезонить питомца Найтири.

Кому как не котам быть уверенными, что они всегда ведут себя прилично, даже если подошли к столу, на котором стоят бесценные полотна, и тянут к тем свои растопыренные когтистые лапы.

- Он тоже хочет рассмотреть картины, - предположил его светлость.

- Вообще-то да, Теодор большой любитель живописи. Он всегда следит за тем, как я работаю, - призналась Найтири.

- А это – его подпись, - догадался лем Тэмбидж, указывая на жёлтый отпечаток в правом нижнем углу. – И здесь – что-то похожее, - на синий отпечаток на полотне великого мастера можно было и не показывать, Найтири сама его прекрасно рассмотрела. – Какая между ними связь? – спросили это не у девушки, а у кота.

- Мряу!

Они что, беседуют?

- Кажется, Теодор просит, чтобы картины опустили ниже.

Похоже да, беседуют. Найтири уже ничего не понимала. Она послушно подошла к картинам и переставила их на пол, оперев на столик, на котором те находились до этого. Удовлетворённый Теодор сел перед её Озером и занялся созерцанием. Эстет, понимаете ли.

От хозяина кабинета не последовало ни одобрения, ни порицания, как впрочем и других предложений. Его отрешённый взгляд так же замер на Озере. Что он там искал? Ещё какие-то признаки присутствия его сына? Но ведь бред же полнейший. Опять же бокал нарисовала сама Найтири. Выходит, это она бредила? Впору согласиться с этим утверждением. Или тоже

поискать признаки присутствия маркиза Шелтирона в месте, которое существует только на картине. На двух картинах, если не считать Скалы.

Найтири присела рядом с Теодором и тоже стала смотреть на своё полотно. И опять время остановилось. Мысль, что шедевры можно созерцать вечно, пришла и ушла. Остались Найтири, Теодор и Озеро в лесу.

Эффект, когда на картину смотришь долго, и она оживает, был уже знаком. Так что не удивилась, когда на одном из деревьев дрогнула ветка, потревоженная взлетевшей птицей. От недалёких камышей по воде пошли круги. Кто там? Лягушки или кто покрупнее? Шаловливый ветерок запустил по озеру мелкую рябь, и оно радостно отразило блики, которых не было в изначальном рисунке. В траве зашуршал мелкий зверёк.

Этого душа истинного охотника не могла пропустить, и Теодор прыгнул. Прямо в картину.

- Теодор! – Найтири крепче прижала к себе сумочку и прыгнула за ним.

Если бы было время подумать и объяснить самой себе, что в картину войти невозможно, никогда бы этого не сделала. Но слишком уж в неоднозначное состояние она впала. Между сном и явью. Или всё же это сон? Да, наверное, она заснула. А как ещё можно объяснить то, что с ней произошло.

Глава 9

Те же деревья. То же озеро. Теодор, с маниакальным упорством разыскивающий кого-то в траве. И Найтири с судорожно прижатой к груди сумочкой. Точно сон.

- Теодор, - на этот раз возглас прозвучал не уверенно, а скорее жалко.

Не послушал, пока не поймал несчастного грызуна. Прижал его лапой к земле, повернул голову к хозяйке и недовольно сообщил:

- Должен же кто-то здесь заботиться о нашем пропитании.

Здесь. Заботиться о пропитании. Нашем. И это сказал не кто-нибудь, а самый обычный кот. Ладно, не самый обычный, а нарисованный. Но кот же! Который раньше ни в чём подобном замечен не был.

Не то чтобы Найтири испугалась такого Теодора. Шаг назад был скорее неосознанным. Правильнее сказать, совсем неосознанным, так как за спиной была не рама картины, от которой отошла в погоне за Теодором, а обрыв к озеру. Взвизгнула уже в полёте.

- Спасибо тебе, Пресветлый Покровитель! Я, конечно, молил, чтобы ты ниспослал мне деву, но не так же буквально. Ведь и зашибить мог.

Приземление вышло не таким жёстким, как должно бы быть, учитывая немаленькие валуны, раскиданные по берегу. Найтири оказалась на чьих-то руках. Правда, этот кто-то, не выдержав свалившегося сверху счастья, упал на попу, при этом крепко прижал добычу к себе.

Безумное действие продолжилось, несмотря на то что не все его фигуранты понимали хоть что-то в происходящем. Правильнее сказать, кое-кто совсем ничего не понимал. Если это сон, то почему так болит ушибленный локоть? А если не сон, то что?

- Чего развалился? А ну отпусти девушку! – сверху гораздо грациознее Найтири спустился Теодор. – Валяются тут всякие. Мы из-за тебя мышшь упустили!

- Да вы что?! – и ведь ни чуточки раскаяния на наглом лице.

- Да упустили! И поэтому ты должен нам, - Теодор деловито глянул на солнце и, определившись со временем суток, заявил: - Ты должен нам обед!

- Мышь поймать?

Нахал, видимо, всё же прочувствовал угрозу, исходящую от кота и, поднявшись, аккуратно поставил Найтири рядом. Даже платье на ней отряхнул. Правда, при этом самым бессовестным образом отряхивал больше в районе попы.

- А есть что другое? – деловито поинтересовался Теодор.

Найтири бы сказала ему, что ужин у них был совсем недавно, но слов не было. От слова совсем. А кто бы тут не онемел. Она с котом – говорящим котом – очутилась в нарисованном месте. Упала на какого-то мужика и... И пока всё, но и этого достаточно, чтобы начать беспокоиться о своём душевном самочувствии.

- Немного хлеба и сыр, - а вот мужик, похоже, совсем не удивился, что кот разговаривает. Наглая кошачья морда презрительно сморщилась.

- Не едим такое. Хотя нет, отдай хозяйке! Себе я лучше поймаю кого-нибудь.

- Хозяйке? А позвольте спросить, лемор кот, ваша хозяйка говорящая?

Найтири кажется или этот сюрреалистический диалог доставляет удовольствие обоим его участникам, и ничего не понимает здесь только она одна? Пожалуй, пора прервать эту милую перепалку.

- Спасибо, - проигнорировала она бестактный вопрос. – Мы недавно поужинали.

Других слов пока не нашлось. Да и эти выдавила с трудом.

- Говорящая, - с умным видом кивнул сам себе незнакомец.

- Паяц, - вынесла вердикт Найтири и огляделась. Нужно было отсюда выбираться.

- Позвольте узнать, прекрасная незнакомка, что вы ищете?

Честно призналась:

- Выход.

- Из леса или из всей ситуации в целом?

Как интересно поставил вопрос. Ведь им с Теодором нужно выбраться из этой ненормальной ситуации. Что-то всё больше крепла уверенность, что никакой это не сон, и они каким-то образом попали в картину, в которой, весьма вероятно, исчез сын герцога Тэмбиджа.

- Из ситуации. Пойдите! - она даже ухватила мужчину за рукав, как будто боялась, что он сбежит. – Вы – Дерог Шелтирон?

- Для вас, красавица, я буду кем угодно. Хоть Дерогом, хоть Шелтироном.

- Будет он кем угодно! Нам какие угодно проходимцы не нужны, - вставил своё веское слово Теодор. – Нам заказали именно Дерога Шелтирона и никого другого.

- Будет ли позволено мне, убогому, поинтересоваться, каким образом заказали? Того? – незнакомец в универсальном жесте провёл ребром ладони по шее.

Как есть паяц.

- Мы первые спросили. Значит, отвечать тебе. Хотя, можешь не отвечать, - милостиво разрешил кот. – Не наш это клиент. Не похож он на герцогского сынка, - это уже пояснил специально для Найтири. – В суме только хлеб и сыр. За спиной – гитара. Обычный бродячий комедиант!

Хотела возразить, что бродячих комедиантов давно нет, но мужчина опередил.

- Мне больше нравится менестрель, - поправил Теодора он. – И вообще, мы уже столько беседуем, а ещё не познакомились. Можете звать меня Вардес.

Менестрель, значит, менестрель, много ли Найтири знает о жизни. Может, и бродят до сих пор по дорогам мира бродячие менестрели, запрета на этот вид деятельности ведь нет.

- Найтири, - сообщила в ответ она, так же как и сам Вардес упустив фамилию.

- Ко мне можешь обращаться Теодор, - важно представился Теодор.

- Какие интересные имена! – Вардес окинул заинтересованным взглядом своих новых знакомцев и, кажется, о чём-то глубоко задумался. Или подтвердил какое-то своё умозаключение? – Да, интересные, - подтвердил он первоначальное утверждение и, широко улыбнувшись, продолжил: - Вот и познакомились. Теперь можно и поговорить.

Как будто до этого они не разговаривали. Впрочем, поговорить и правда было о чём. В первую очередь нужно узнать, что это за место и не встречал ли Вардес молодого человека по имени Дерог Шелтирон. С Теодором о несанкционированных прыжках в картину и его чудесном овладении человеческой речью она побеседует позже. Наедине.

- И что не так с нашими именами? – похоже, Теодор брал реванш за всё время вынужденного молчания и старался не упустить ни единой возможности вставить своё веское слово.

Правда, стоило признать, пока с его речей и вопросов толку было больше, чем от слов самой Найтири.

- А сами вы не догадываетесь? – точно что-то решил для себя. Только вот что?

- Теодор – очень красивое имя. Подходящее для такого импозантного экземпляра, как я, - самодовольно заявил кот.

- Может быть, может быть, - Вардес присел рядом с небрежно брошенной сумой, достал оттуда салфетку, развернул её и уложил на один из валунов, во множестве разбросанных на берегу. – Перекусим?

Помимо обещанных хлеба и сыра в салфетке оказалось большое яблоко и головка лука. Похоже, это и правда весь его обед. Неудобно будет объедать парня. Опять же при всём его радушии что-то неуловимое вызывало подозрение. Неужели опекуны объявили её в розыск и обещали вознаграждение? По-хорошему стоило бы уйти. Осталось малое. Выяснить, куда идти.

- Мы недавно поели, - Найтири постаралась хотя бы на этот раз опередить Теодора. Ведь ужинали они и правда не так давно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.